

Францезы Среданного мара

Маря Берестова

Не овладеетъ
ветромъ

Мария Берестова

Не овладеешь ветром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69244996

SelfPub; 2023

Аннотация

Девушка становится военным трофеем князя, который хочет сделать из нее свою наложницу. Однако она с такой судьбой не согласна и будет бороться до тех пор, пока не отвоюет свою свободу. Острсюжетная любовная повесть с хэппи-эндом; тропы "от врагов к возлюбленным" и "противостояние характеров"; до тега "здоровые отношения" персонажи немного не дотянули, но тут не будет ни близости по принуждению, ни сомнительного согласия; 16+ за недетализированный пиратский набег и угрозы насилия; несгибаемая героиня, которая не сдастся и не сломается; эмоциональные качели: вам вслед за героиней будет постоянно казаться, что герой вот-вот сорвется и станет насильником; нет, у героя есть мозги, он справится за своими внутренними демонами и приятно вас удивит.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвёртая	31
Глава пятая	40
Глава шестая	48
Глава седьмая	57
Глава восьмая	67
Глава девятая	76
Глава десятая	85
Глава одиннадцатая	95
Глава двенадцатая	103
Глава тринадцатая	114
Глава четырнадцатая	123
Глава пятнадцатая	131

Мария Берестова

Не овладеешь ветром

Глава первая

Сжавшись в комочек за опрокинутым столом, Нари крепко, до дрожи в руке, сжимала кухонный нож. Она не была уверена, что сумеет ударить им нападающего – она никогда раньше не использовала нож против человека – но это не может быть сложнее чистки рыбы, правда?

О том, что нападающий будет не один, и, даже если первого она зарежет, это её не спасёт, она старалась не думать. Нож в руке и готовность пустить его в ход были единственной точкой опоры, которая не позволяла ей окончательно поддаться панике среди царивших вокруг криков, топота и лязга оружия.

Вздрагивая от резких звуков вокруг, она беззвучно плакала, повторяя в голове лишь одно: «Спаси, Господи! Спаси, Господи!» – но другим жителям их острова молитва явно не помогла, так что едва ли она была способна помочь ей.

Нари не знала, кто и почему напал на бедный рыбацкий остров у побережья Ниии – кому они, рыбаки и мелкие ремесленники, сдались? Что у них воровать-то? Да и, судя по набравшему силу запаху гари, напавшие стали жечь дере-

вушку, а не грабить. Что доберётся до неё первым, огонь или враг?

...как оказалось – враг.

В дом шумно ввалились лязгающие оружием чужаки – Нарю не знала языка, на котором они говорили.

Девушка чуть ослабила слишком судорожный хват на рукояти ножа; так она не сможет ударить. Нужно приготовить-ся...

Она готовилась, правда!

Но, когда к ней за стол заглянула рыжая голова неожиданно юного врага с пронзительными ястребиными глазами – вместо того, чтобы броситься на него, замерла.

Нарю не представляла себе, как и куда ударить, чтобы убить его сразу; Нарю вообще не представляла, что делать, потому что, судя по голосам, их там было много, а она – она просто рыбачка, и совсем не воин!

Замерев, Нарю в упор уставилась на рыжего. Как, почему он такой молодой? Ему едва ли больше двадцати на вид!

Тот, сморгнув, что-то сказал на своём языке – Нарю разобрала только повелительный тон. Наверно, велел вылезть? Дудки! А то она не знает, что её ждёт там, в комнате, если вылезет!

Нарю решительно выставила нож перед собой. Лучше уж умереть здесь и сейчас!

– Отдай! – вдруг перешёл рыжий на нийский.

Он говорил весьма чисто, с лёгким певучим акцентом. На-

ри ничего не ответила, цепко отслеживая взглядом каждое движение врага. Если он потянет к ней руку... бить по руке – глупо, это бесполезно. Нужно как-то умудриться пружиной выскочить вверх, и на этом импульсе бить в сердце... ах, но где оно точно, это сердце? Может, лучше всё же целиться в шею?

В комнате что-то говорили на этом непонятном языке, рыжий бросил туда пару фраз и вновь уставился на неё.

Глаза у него были светло-карие, с желтизной: точь-в-точь дикий ястреб, и такие же злые и цепкие!

– Отдай нож сама, – повторил он требовательно, и Нари стало страшно от его властных интонаций. – Я всё равно его заберу, но тогда тебе будет больно.

Из её груди вырвалось смешанное с истеричным смешком рыдание.

– А если отдам – не будет, что ли?! – срывающимся голосом воскликнула она, пытаясь спланировать, как ударить его так, чтобы перерезать сонную артерию одним ударом. Сколько их там ещё? Если она убьёт этого – они навалятся скопом или растеряются? Никто ж ведь не ждёт от девчонки отпора, могут же они растеряться, правда?

– Не будет, – неожиданно заверил её рыжий, протягивая руку. – Отдай – и я обещаю, больно не будет.

– Ложь! – обличила его Нари, подбираясь. Ужасно хотелось ударить по руке, но это будет ошибкой, это его не остановит! Нужно целиться в шею, это её единственный шанс!

– Хотел бы причинить тебе боль – уже сделал бы! – раздражённо ответил рыжий, и, к страху и неожиданности Нары, одним сильным движением откинул в сторону стол, который давал ей хоть какую-то иллюзию укрытия.

Нары вскочила на ноги, выставив нож перед собой и пытаясь оценить ситуацию.

Их было много – больше пяти! – и все вооружённые! От отчаяния сердце Нары провалилось куда-то под рёбра. А чего она ожидала, дура? Что люди, которые грабят острова, ходят на них по одиночке?!

– Отдай нож, – мягко повторил рыжий. – Не заставляй отнимать. Всё равно он тебе не поможет – ты им пользоваться не умеешь.

– Умею! – смело и решительно возразила Нары, пытаясь всем своим видом, и взглядом, и тоном доказать, что вполне способна дать ему отпор, и лучше ему с ней не связываться! Глядишь, сочтёт опасной и сразу убьёт!

«В драке могут убить нечаянно, – пронеслась в голове лихорадочная мысль, – нужно любой ценой завязать драку! Кинуться первой?»

Она уже не чаяла выбраться – она только надеялась просто умереть. Прямо сейчас.

– Умела бы – уже использовала, – как-то почти даже добродушно опроверг её утверждение рыжий. – Ну же, не будь дурочкой, – настойчиво продолжил он. – Отдай мне нож, и я отведу тебя в безопасное место.

На секундочку в ней дрогнула надежда – ей ужасно хотелось верить, что жизнь её ещё не кончена, и что рыжий в самом деле не врёт. Но, если они теперь и находились в сказке, то явно – в страшной сказке.

Рыжему, меж тем, надоели уговоры, и в следующую секунду Нарі поняла две вещи: ножом она пользоваться и вправду не умеет, а воину ей противопоставить и вообще нечего.

Вопреки угрозам рыжего, больно не было: он схватил её за руку и вырвал из неё нож прежде, чем Нарі успела понять, что происходит. Вот ещё только что она стоит, угрожая ему, – а вот уже её нож в его руке, и только тянущее ощущение в районе запястья свидетельствует о том, что его пальцы только что сжимали её кожу. Она даже испугаться толком не успела; и вот, в ладони теперь тревожная пустота, и...

– Теперь пойдёшь? – невозмутимо спросил у неё рыжий.

– Куда? – почти беззвучно переспросила у него Нарі, уже не имея никаких сил справиться с накатившей на неё паникой.

– В безопасное место, – терпеливо напомнил рыжий.

В безопасное? Он издевается?! Где он тут видел теперь безопасное место?!

Она сделала шаг назад; упёрлась спиной в стену. Затравленно огляделась по сторонам.

Семеро. Считая рыжего, их тут семеро. Двою юношей, остальные – крепкие страшные мужики.

Верно оценив её панический взгляд, перебегающий с од-

ного на другого, рыжий вдруг сменил тактику и выдал альтернативу:

– Или я оставляю тебя тут с ними – или идёшь со мной. Ну? – протянул он ей руку.

Не в силах справиться ни с дрожью, ни с ужасом, она мёртвой хваткой вцепилась в эту руку, тупо повторяя про себя: «Он обещал безопасное место, он обещал безопасное место». Умом она понимала, что он лгал, но теперь она запрещала себе вспоминать об этом, и иступлённо, мучительно цеплялась за это пустое безумное обещание.

Он, что-то сказав своим людям, – теперь очевидно было, что, несмотря на юность, именно он среди них главный, – уверенно повёл её наружу. Она тупо шла, пытаясь игнорировать реальность, которая врвалась в её мысли криками, огнями, гарью и запахом крови. Настойчиво уставившись в небо – чтобы не видеть творящегося вокруг ужаса – она шла, куда ведёт. Шла, шла, – куда-то к морю, по пристани, по трапу. Звуки разорения и страха становились всё дальше; их заглушали плеск волн, стук такелажа, скрип снастей. Привычно-свежий морской ветер казался теперь чем-то совершенно нереальным, обрывком той реальности, которой уже не существует.

В себя Нари пришла, когда её перестали вести и отпустили.

Она сморгнула, обнаружив, что находится в центре небольшой, но добротной каюты.

Чужак с ястребиными глазами стоял напротив и смотрел на неё внимательно и цепко, чуть наклонив голову – точь-в-точь хищная птица.

Перехватив её испуганный взгляд, он мягко, слегка растягивая гласные звуки, произнёс:

– Не бойся. Тебе нечего тут бояться.

Слова его произвели на неё прямо противоположный эффект. Она отступила от него на шаг назад, пытаясь и не выпустить его из поля зрения, и оглядеть каюту на предмет наличия чего бы то ни было, что она могла бы использовать как оружие. С ножом у неё не задалось – но, может, она могла бы швырнуть в него, скажем, стул?

Она, найдя то, что ей нужно, теперь уставилась прямо ему в глаза – чтобы отвлечь его от своих действий – и скользящим шагом, словно всё ещё отступая от него, передвинулась ближе к стулу.

Манёвр этот, впрочем, ей не удался; он разгадал его тут же.

– Он прикручен к полу, – усмехнувшись краешком губ, уведомил её рыжий. – Тут всё прикручено, – поспешно добавил он. – И давай не возвращаться к тому этапу, где ты угрожаешь мне предметами, которыми не умеешь воевать.

Нари с досадой скривилась, пытаясь продумать новый план.

– Тебе нечего бояться, – между тем, вернулся к убеждениям он, и в этот раз, воодушевившись её настороженным

молчанием, принялся разворачивать эту мысль: – Ты очень красивая, – он скользнул взглядом по её светлым золотистым волосам, которые выбились теперь из-под косынки. – Я возьму тебя в свои наложницы.

Несмотря на плачевность собственного положения, Нарина на этом пассаже не смогла удержаться от лёгкого смешка.

– И это вы называете «нечего бояться»? – язвительно переспросила она.

Вот уж правда! Всего-навсего сделает её своей наложницей, в самом деле, чего тут страшного!

Он удивлённо поднял брови, словно не понимая, откуда в её реплике язвительность.

– Я глава рода Къеринов, – со сдержанным пафосом представился он, – одного из богатейших и знатнейших в Ньюне.

Что?

Разве Ниия воюет с Ньюном?!

Почему они на них напали?!

– Ты ни в чём не будешь нуждаться, – меж тем, продолжил странную агитацию рыжий, и вдруг сменил тон: – Как тебя зовут?

Отвечать на этот вопрос не хотелось, но она решила не обострять, а то вдруг этот сумасшедший из рода Къеринов ещё и бросится!

– Нарисия, – холодно представилась она.

– Красивое имя, – одобрительно кивнул он, и она скривилась.

Тон у него был такой, как будто это он позволил ей и впредь называться своим именем, потому что ему оно понравилось; а если бы оно ему не понравилось – он бы ей другое придумал.

– Нарі, я должен идти, – с фамильярной непринуждённо-стью вернулся вдруг к делам рыжий. – Я просто хотел тебя успокоить. В моей каюте тебя никто не посмеет тронуть, тебе нечего опасаться! – повторил он, как будто бы она была тупой и с первого раза не услышала, что кое-кто полагает, что «сделать наложницей» и «безопасно» – это синонимы. – Я вернусь к вечеру! – зачем-то проинформировал он, выходя.

Она быстро выглянула за ним вслед и успела увидеть, как он что-то говорит по-ньонски весьма рослому матросу.

Ну да, ну да, она ж тупая девица и пойдёт сбежать через дверь, конечно!

Хищно прищурившись, Нарі уставилась на порты [1].

Смерть отменяется, и планы на неё рыжего идиота – тоже. Спасибо, что вывел её из того бедлама, но заманчивые перспективы светлого будущего в роли наложницы чрезмерного юного и наглого главы богатейшего и знатнейшего рода Кьеринов – точно не то, что может её заинтересовать.

Порт – прямоугольное отверстие в борту корабля, аналог окна.

Глава вторая

Нари подошла к ближайшему порту, чтобы оценить ситуацию. Он, к счастью, не был застеклён: в лицо ей с порывом ветра ударил свежий морской запах.

К её досаде, корабль ньонцев оказался несколько больше, чем она ожидала: от ватерлинии её отделяло два человеческих роста. Впрочем, ничего, повиснет на руках, справится!

Каюта наглого князя, как и ожидалось, располагалась на корме. Нары осторожно выглянула в порт, готовая мгновенно спрятаться обратно, если заметит наблюдателя, – но такового не было. Она даже развернулась и поглядела вверх – но нет, с палубы никто не перегибался.

Оценивающим взглядом она прошлась по береговой линии.

Пристань ничуть не пострадала от набега, и на первый взгляд не несла никаких дозорных – она углядела лишь спину удаляющегося в сторону домов Кьерина. Есть все шансы, что её побег останется незамеченным. Впрочем, нет, на палубе наверняка должен быть хоть один дозорный!

Нари скривилась. Выбираться на пристань будет опасно, прятаться под ней или среди лодок – возможно, много часов, она зачоченеет до смерти. Попытаться отплыть подальше и там выбраться на берег?

Она скользнула взглядом на восток: песчаный и скали-

стый мыс не радовал возможными укрытиями. На западе имелся более перспективный лес, но к нему нужно добираться по береговой полосе... с корабля наверняка увидят, если не идиоты!

Нет, ни отплыть далеко, ни бежать по берегу она не может. Ей нужно найти способ затаиться под защитой пристани, возможно, оттуда, переоценив ситуацию, рвануть куда-то ещё...

На берегу было несколько крытых торговых лотков, теперь безлюдных – на одном из них была лишь разложена копчёная рыба. Если удастся спрятаться от дозорных под пристань, а оттуда как-то прошмыгнуть в один из лотков и затаиться там...

Кивнув самой себе, Нары приняла этот план и споро принялась снимать верхнее платье – оно, пропитавшись водой, точно только станет обузой.

Оставшись в одной нижней рубашке, она тревожно огляделась на дверь: а ну как тот матрос что-то услышит и решит проверить пленницу? Нахмурившись, Нары постаралась разложить платье на спальной койке так, чтобы от дверей казалось, что там лежит девушка. Неидеально, но лучше, чем ничего.

Вздыхнув и перекрестившись, Нары, не давая себе задуматься, полезла из порта наружу.

Это оказалось сложнее, чем она ожидала; зацепиться снаружи было решительно не за что, и план «повиснуть на ру-

ках, чтобы сократить расстояние до воды» перестал казаться ей осуществимым.

Иного плана у неё, впрочем, не было, и она от отчаяния всё же попыталась осуществить этот манёвр; выскользнув ногами наружу, она тщетно попыталась зацепиться руками за кромку порта – но тяжесть собственного тела и инерция ей этого не позволили; она сорвалась и полетела вниз, в холодную бездну волн.

За несколько секунд полёта сердце её едва не разорвалось от пронзающего нервы и позвоночник ужаса; в момент удара о волны она чуть не потеряла сознание от боли и страха, но, всё же, на последнем усилии воли заставила себя забарахтаться в попытках выплыть и спрятаться под пристань.

Ей это удалось, однако от страха и холода она несколько минут не могла прийти в себя, и, по шею в воде, только дрожала, вцепившись в опорное бревно руками и плача.

Наконец, воля снова стала брать верх над страхом; она стала дышать глубоко и медленно, пытаясь успокоиться. Впрочем, ей так и не удалось унять дрожь; но это было уже не так важно.

Она принялась осторожно передвигаться под пристанью, пытаясь в щели между досками разглядеть, что происходит на палубе корабля, с которого она только что бежала. Увы! Борт был слишком высоко; с того места, где она находилась, она никак не могла разглядеть, сколько часовых осталось на палубе и куда они смотрят!

...оставаться здесь? Сколько времени она продержится? Нет, это безумие. Несколько часов жизни, в лучшем случае, а после она пойдёт на дно! Нужно выкарабкиваться наверх и прятаться в торговых лотках!

Нари постаралась мыслить логически. Если бы она была оставленным часовым, куда бы она смотрела в первую очередь?

...увы, как она ни крутила в голове воображаемые картинки, выходило, что вся пристань с корабля прекрасно просматривается, и, куда бы ни смотрел часовой, он неизбежно увидит её движение.

Отчаяние снова завладело ею. Вот так? Всё кончится вот так? Она либо умрёт здесь, в холодной воде, либо её убьют там, едва она выйдет на берег?

Выходить было страшно. Там её не просто убьют – там её ждут насилие и боль. Здесь, по крайней мере, она просто утонет. Она даже может ускорить этот миг, не дожидаясь, когда силы совсем покинут её.

«Здесь я умру наверняка, – переформулировала своё видение ситуации Нары, – а там у меня есть шансы выжить».

Она решила уцепиться на эти шансы.

Ждать дальше не было смысла – она теряла силы в борьбе с холодными волнами, да и на пристань могли вернуться ньонцы.

Собравшись с духом и коротко помолвившись, она подобралась к берегу, в мыслях продумала траекторию своего

движения – и, не помня себя, метнулась к ближайшему торговому лотку!

Сердце грохотало, казалось, в самых ушах, и она не чувала под собой уже окоченевших в воде ног, но всё же бежала, бежала – пока неожиданно перед ней не обнаружилась деревянная перегородка лотка. Последним рывком она ринулась за прилавок и притаилась за ним.

Ей казалось, что грохот её шагов и стук её сердца слышны даже в деревне – и уж тем паче были слышны на корабле!

Лишь спустя пять минут, когда ей удалось, наконец, справиться с паникой, она поняла, что шум волн и такелажа напрочь заглушили бы для часового её топот – а даже если бы до него и донеслись его отголоски, он принял бы их за шум из деревни.

Ни гневных возгласов, ни злых ньонцев, пытающихся ворваться в её убежище.

Неужто и впрямь её никто не заметил?

Ещё пять минут она дрожала, забившись под прилавок, боясь поверить, что её пробежка по берегу прошла незамеченной. Разве такое может быть? Разве мог часовой упустить её забег?

Но минуты текли, текли вперёд, и потихоньку успокаивалось сердце, и всё очевиднее становилось, что никто её не видел.

Приняв, наконец, тот факт, что ей удалось сбежать с корабля незамеченной, Нари в упор встала перед иной пробле-

мой: оставаться ли в этом укрытии – или искать другое?

С одной стороны, здесь она надёжно защищена от сторонних взглядов. Ньонцы, даже если пройдут в двух шагах от неё, не увидят её. С другой – вернувшийся на корабль Кьерин заметит её побег и велит перерыть всё вокруг! А притаться в этом закутке ей негде – её найдут в первые минуты поисков.

Значит, ей нужно прятаться дальше. Ей нужно искать более надёжное укрытие – более того, она даже представляла себе, какое именно. Деревню они перероют всю – да она и не знает, что там уже сожжено, а что нет, не говоря уж о том, что как она сможет прятаться на глазах у бесчинствующих захватчиков?

Прятаться нужно в лесу; и так, чтобы не нашли. Она знала, например, одно подходящее дупло: вряд ли они станут обшаривать каждое дерево, правда же? Это же ещё нужно знать, что и где искать!

Дупло будет идеальным убежищем; но как до него добраться? Едва она выйдет наружу, как её смогут увидеть с корабля, как её смогут увидеть от деревни.

На запад, к лесу, иных построек на берегу не было. Но, возможно, если она сумеет прикрыться торговыми лотками от корабля, – ей удастся прошмыгнуть к крайним домам деревни? А там, под их защитой, уже выйти к лесу...

Нари тяжело вздохнула. План был ещё более рискованный, чем пробежка из-под пристани.

Но другого-то всё равно не будет...

Она принялась искать в стенке дырку или щель, чтобы суметь лучше разглядеть корабль.

Наконец, ей это удалось. Часть палубы всё ещё была для неё недоступна, но это уже было неважно: часовой попал в её поле зрения!

Она радостно улыбнулась; драпать не вслепую – это уже подарок! Можно подгадать момент...

Впрочем... впрочем, удача, кажется, и вообще была на её стороне! Часовой и вовсе не утруждал себя пристальным разглядыванием берега, а просто ходил по палубе из стороны в сторону!

Конечно, ведь он охранял корабль, а не искал сбежавших пленниц!

Нужно просто дождаться момента, когда он будет спиной к лоткам... и, если поспешить, и если ей улыбнётся удача, и он не обернётся раньше времени...

Волна радостной надежды охватила всё её существо. У неё были все, все шансы успеть добежать до края деревни и прошмыгнуть вдоль него, под защитой домиков и заборов, в лес!

Тут, впрочем, новое страшное соображение сжало её сердце в ледяной кулак тревоги. Часовой её не увидит – но что, если кто-то из ньюнцев будет возвращаться на пристань? Тут-то и предстанет она перед ним, как на ладони!

Переведя дыхание, Нари на минутку прикрыла глаза, со-

бираясь с духом, а потом принялась искать щёлку в противоположном крае лотка.

Это оказалось несложно, и вскоре она смогла оглядеть окраину деревни.

Ни на первый, ни на второй взгляд там не было заметно никакого движения.

Собравшись с духом, Нари снова выглянула на корабль, подгадывая момент. Вот, часовой повернулся спиной...

Забравшись на прилавок, она выскочила наружу и побежала, что было сил. Камешки и острые палки больно ранили ноги – она оставила туфли в каюте из страха, что не сможет в них плыть, – но она, стиснув зубы, бежала и бежала.

Чахлые кусты... нет, залечь за ними – опасно, светлую рубашку легко разглядеть... забор из жердей – она побоялась пытаться перелезть поверху и, выломав одну из жердей, проскользнула между оставшимися... нет, здесь тоже слишком редкая преграда, она наверняка белеет за ней!

Растерянный взгляд Нари метнулся влево, вправо. По её прикидкам – у неё оставались считанные секунды, пока часовой не развернётся.

Направо хата с распахнутой дверью – есть ли кто внутри, нет? Нари показалось, что внутри что-то стукнуло – человек, кот, ветер?

Налево стоял сарай; размышлять было некогда, и Нари рывком метнулась за него, в надежде спрятаться и от часового на корабле, и от возможных врагов в хате.

Не успев сориентироваться, за углом сарая она налетела на оправляющего штаны рослого ньонца.

Глава третья

Ньонец опомнился первым: губы его растянулись в довольной предвкушающей улыбке. Промокшая насквозь нижняя рубашка Нари была почти прозрачной и демонстрировала достоинства её фигуры во всей красе.

Нари было попятилась; но там, сзади, осталась открытая хата, в которой, возможно, были ещё ньонцы. Сориентировавшись, она сделала рывок в сторону, в попытке обогнуть противника и сбежать от него в лес.

Не преуспела; ньонец оказался неожиданно стремительным для такого массивного на вид мужчины, и успешно перехватил её за талию. Нари невольно вскрикнула, пытаясь вырваться; ньонец что-то заговорил на своём, судя по тону – совершенно похабное.

Нари извертелась и пнула его в колено; тот разразился потоком брани, но не отпустил.

План «по-быстрому сбежать» совершенно провалился: сзади раздались другие мужские голоса. Нари вывернулась, насколько ей позволял хват противника, и сумела оглянуться.

Боже мой!

Их было человек пять, и все они глядели на неё весьма недвусмысленно.

«Лучше б я всё же под пристанью утопла!» – в сердцах

подумал Нарю, с отчаянием понимая, что от этих ей не бежать.

Лихорадочно переводя взгляд с одного на другого, она пыталась найти хоть какой-то выход – может, тут найдётся слабое звено или хоть сколько-то благородный человек?

«Благородные люди не ходят в пиратские набеги», – не вовремя напомнил разум, но Нарю отмахнулась от его доводов.

Среди ньонцев она заметила знакомое лицо – единственный юноша в теперешней компании в прошлый раз сопровождал рыжего князя. Он моложе остальных и выглядит приличнее, может, удастся попросить его о защите?

...юноша, к слову, как раз и говорил сейчас что-то сухо и сдержанно. Нарю в потоке его речи определённо различила поминаемого им Кьерина – ох, в самом деле, этот рыжий тут за главного, может, это ей поможет?

Речь юноши, однако, не произвела впечатления на его товарищей. Ньонец, который держал Нарю, хохотнул за её спиной и ответил что-то дерзкое и наглое – другие ньонцы заржали в ответ, кроме юноши. Нарю уже хотела было обратиться к нему – вдруг защитит, попытка не пытка! – но он, поморщившись, досадливо взмахнул рукой и ушёл.

«Если я сейчас вцеплюсь в этого ногтями и брыкнусь, – лихорадочно размышляла Нарю, – возможно, он меня от неожиданности упустит, и тут-то я рвану?»

Не то чтобы босые ноги повышали шансы удачного забега к лесу, не то чтобы мужики вокруг производили впечатление

людей, которые медленно бегают. Но Нары не позволяла отчаянию окончательно захватить её, и бросила все душевные силы на эту мысль: любой ценой вырваться и сбежать! Только бы подгадать правильный момент!

Боевые её мысли, впрочем, были прерваны самым прозаичным образом: с гоготом переговаривавшийся о чём-то со своими ньонец, наконец, договорился, и приступил к делу. Нары заоченела от ужаса и омерзения, почувствовав, как грубые сильные руки...

Дрожь отвращения прошла по её телу.

«Нет, нет, нет, Божечки, пожалуйста, нет!» – зажмурившись, взмолилась она, не зная, где найти мужество, чтобы выдержать то, что с ней теперь непременно произойдёт.

Молитва её была прервана резким недовольным голосом, что-то выговаривающим по-ньонски.

Узнав этот голос, Нары изумлённо распахнула глаза: это был тот рыжий!

Он зло и холодно взирал на державшего её ньонца, и тот, прекратив активно её лапать, жёстко и хлётко что-то ответил.

Рыжий был немногословен: он обронил лишь пару сухих коротких слов, похожих на треск молний в небе.

Нары почувствовала, как руки ньонца дрогнули на её теле. Он, впрочем, тут же овладел собой и ответил: уже не так дерзко, и даже с некоторой почтительностью в голосе, но упрямо и уверенно.

Рыжий ничего не сказал, но взгляд его переместился на Нарю, после чего загорелся опасными жгучими огоньками. Под этим осмотром ей сделалось противно – он как будто оценивал, стоит ли она того, чтобы за неё вступаться, – но он был теперь её единственным шансом, поэтому она, переступив через гордость и страх, попыталась склонить его мнение в свою пользу.

– Пожалуйста... – тихо попросила она, устремив на него полный мольбы взгляд.

Он поднял глаза; ей опять почудилось в нём что-то хищное и птичье. Когда он заговорил, его мягкий певучий голос дико контрастировал с жёстким и непримиримым выражением лица:

– Мне показалось, Наря, – спокойно утвердил он, – что ты сама предпочла общество этих господ.

– Нет, нет! – отчаянно замотала она головой и взмолилась: – Прошу вас!..

Хохот ньонцев ударил ей по нервам и гордости, но они тут же заткнулись под грозным взглядом своего предводителя.

Он сделал по направлению к ней несколько шагов; Наря почувствовала, как напрягся державший её ньонец, затем заговорил что-то оправдывающимся тоном и разжал руки, делая от неё шаг назад и в сторону.

Губы рыжего чуть скривились. С ироничной интонацией он сообщил Нарю:

– Гарт говорит, что ты не похожа на мою наложницу. А я,

право, – он сделал ещё пару шагов и подошёл к ней вплотную, разглядывая её с насмешливостью, – и сам не уверен, что мне нужна такая непослушная наложница.

Один из знавших нийский ньонец перевёл его слова остальным, и все они снова заржали. Губы рыжего тоже дрогнули улыбкой.

«Ему весело!» – зло и отчаянно подумала Нары.

У неё рухнула вся жизнь, она с ума сходит от ужаса и боли, у неё нет никаких шансов на спасение – а ему весело!

Он тут стоит и решает, какова теперь будет её судьба: самому ли изнасиловать, отдать ли на потеху своим людям или убить, – и ему, видите ли, весело!

Она опустила взгляд, чтобы скрыть от него свой гнев и страх.

– Так что, Нары? – любезным тоном переспросил он, поднимая руку и приподнимая её лицо за подбородок, чтобы всё же взглянуть в глаза.

Нары хотелось сбросить его хватку и отскочить – это было вполне возможно, за её спиной теперь была пустота, а он не держал силой, лишь придерживал, – но она побоялась злить и провоцировать его. В конце концов, он сейчас был единственным, что стояло между ней и этими похотливыми скотами!

– Будешь послушной наложницей? – требовательно спросил рыжий, настаивая на прямом ответе.

Зажмурившись, Нары всеми силами пыталась вытолкнуть

из своего горла спасительное: «Да».

Выбор был безумно очевиден: лучше уж один этот князь, чем его воины. Ей нужно хвататься за эту возможность и радоваться, что она настолько ему приглянулась, что он готов дать ей ещё один шанс.

Нужно было просто сказать это «Да», но всё внутри неё противилось этой капитуляции. Она предпочла бы умереть – но кто ей теперь позволит умереть? Нужно было решаться там, под пристанью, а не тешить себя пустыми надеждами на побег. Но нет, она оказалось глупой, она рискнула – и теперь проиграла всё.

Дрожа от унижения и беспомощности, Нары даже открыла было уже рот, чтобы согласиться – но так и не произнесла ни звука. Обречённо сжавшись в ожидании последствий своей непокорности, она взмолилась о том, чтобы просто умереть здесь и сейчас.

– Впрочем, да, чего я ждал, – тихо пробормотал рыжий, и вдруг, сильным рывком, толкнул её куда-то в сторону.

От неожиданности и страха Нары вскрикнула и вскинула руки, пытаясь прикрыть лицо; спина налетела на что-то жёсткое – должно быть, стена сарая! – и бежать куда-то оказалось поздно, потому что справа и слева ей преградили дорогу увитые богатыми татуировками руки.

Переведя взгляд вперёд, Нары вздрогнула от ужаса: ястребиные тёмно-жёлтые глаза оказались прямо перед ней.

– Мать Божья... – одними губами выговорила Нары,

осознав, что насилловать её будут прямо здесь и сейчас.

«Ударить в пах!» – пришла спасительная мысль, но рыжий предвосхитил эту попытку, прижав её к сараю вплотную.

– Дурочка, – тихо и укоризненно сказал ей князь, наклонившись к её уху. – Вот чего тебе в каюте не сиделось?

Левая рука его мягко прошлась по её скуле; она сжалась от страха и снова зажмурилась. Скорее кожей, чем слухом, почувствовала, что он вздохнул.

– Обними меня за шею, – вдруг потребовал он, и от неожиданности она распахнула глаза – чтобы тут же снова зажмуриться, потому что его лицо было близко-близко к ней, настолько близко, что она ощущала ресницами его дыхание, и ей сделалось совсем уж страшно.

– Или делаешь, как говорю я, – жёстко и тихо поставил альтернативу он, – или я теперь же ухожу.

Дрожь неконтролируемого ужаса прошла по её телу, и она поскорее выполнила его приказ, и даже вцепилась в него изо всех сил, вспомнив, что лучше уж один он, чем все они.

Он тихо рассмеялся, явно уловив подоплёку терзавшего её выбора, но звук его смеха тут же потонул в гоготе окружающих их ньонцев, о присутствии которых Нари почти уже забыла – так тихо они стояли вокруг.

Теперь же тишина эта сменилась смешками, хлопками, одобрительными и поощрительными криками... и Нари вдруг осознала, что со стороны все эти обжимания у сарая выглядят так, как будто бы князь её целует, а она – она, ви-

дите ли, отвечает ему страстными объятиями!

От унижения и стыда она мучительно покраснела.

Он всё-таки нашёл способ выставить её в их глазах покорной наложницей.

Нервы её совсем отказали ей служить. Она, наверное, упала бы, но, к счастью, за спиной была стена, а руками она вцепилась в князя, и тем держалась. Дрожь, впрочем, ей подавить так и не удалось.

– Да ты ж совсем замёрзла... – вдруг обнаружил князь.

«И это я у него дурочкой выхожу!» – обиженно подумала Нарі. Этот идиот глазел на неё минут пять и прекрасно видел, что она одета в одну тонкую рубашку, и что и та-то совершенно насквозь мокрая! Но нет, конечно, её прелести интересовали его больше подобных ничего не значащих мелочей!

Князь, впрочем, поспешно начал реабилитироваться, высвобождаясь из собственного кафтана и напяливая его на неё. Она не стала возмущаться и даже сама пролезла руками в рукава – кафтан после него казался таким тёплым, а она, и впрямь, продрогла до костей. Наплевать, что в таком виде она выглядит в высшей степени покорной наложницей – зато теплее! Ногам, конечно, всё ещё холодно и больно, но хоть телом чуть-чуть согреться!

Тщательно застегнув на ней все пуговицы, князь отдал своим несколько приказов – по тону было слышно, что это именно приказы, и весьма сердитые. Нарі с удовольстви-

ем понаблюдала, как окружающие её мерзавцы кланяются и расходятся.

Мысль о том, что главный-то мерзавец никуда не денется, она старательно от себя гнала. Проблемы нужно решать по мере их поступления.

Глава четвёртая

Наконец, у сарая их осталось трое: включая того юношу, который так своевременно позвал князя. Нарю чувствовала к нему некоторую симпатию: он казался ей каким-то относительно приличным.

Они медленно побрели обратно на пристань. Идти было больно – все ноги она уже изранила в предшествующей беготне – и теперь она оценивала свои шансы убежать прямо сейчас как нулевые. Задачей номер один она постановила теперь согреться, отдохнуть и придумать план поудачнее предыдущего.

– Через порт сбежала, – весело похвастался, меж тем, князь, кивая на неё своему приятелю.

В голосе его Нарю даже почудились отголоски восхищения. Не то чтобы это ей льстило; скорее сердило. Подумать только, ему снова весело!

– Да она и вообще чуть в лес не удрала, – охотно поддержал тему второй, тоже по-ниийски, из чего Нарю сделала вывод, что всё это говорится для её ушей. – Если бы Гарт не отходил – только мы её и видели!

Князь, резко остановившись, пронзил её своим фирменным птичьим взором.

Им пришлось встать вслед за ним. Нарю, впрочем, не возражала, потому что ноги при каждом шаге стреляли болью,

а камней тут было немерено. Пронзительный ветер с моря, правда, не располагал к остановкам, но кафтан худо-бедно согревал её.

– Красивой женщине мозги ни к чему, так, Нары? – неожиданно язвительно спросил князь.

Она нахмурилась. Закатив глаза, он изволил расшифровать, почти по слогам втолковывая:

– Мы на острове, Нары. На острове! – веско повторил он. – Куда ты тут планировала бежать?

Нары неопределённо повела плечом. Она планировала спрятаться и затаиться, пока ньонцы не отчालят. А там, глядишь, продержалась бы до ближайшего нийского корабля.

Не то чтобы у неё был хоть какой-то иной приемлемый выбор, ведь так?

Осознав, что ответа не дожждётся, князь перевёл требовательный взгляд на друга: мол, может, хоть ты что-то понимаешь? Тот, смерив Нары скептическим взглядом, задумчиво протянул:

– А ведь она тебя боится, гром. Что ты ей успел сделать?

Нары возмущённо взвилась, но ответить не успела, потому что князь взвился не менее возмущённо:

– Да я её и пальцем не тронул! – отмёл он любые обвинения в своей виновности в её страхе. – Ношусь с нею, как!.. – он запнулся, не найдя подходящего сравнения. – А эта дурочка всего без причины пугается!..

Тут уж Нары смолчать не смогла.

– А того, что вы, на минуточку, напали и разграбили остров, на котором я живу, недостаточно, чтобы бояться?! – язвительно прошипела она, горящими взглядами обжигая князя. – Вот этого – не достаточно?! – она махнула рукой в сторону деревни, откуда валили клубы дыма. Вот эти ваши, – она махнула рукой назад, имея в виду отосланных им ньонцев, – это не причина бояться, да?!

Молодые люди выслушали её отповедь с некоторым недоумением, но дружок князя снова выхватил себе несколько очков симпатии Нары, потому что не стал спорить.

– Справедливо, – признал он, веско кивая.

– Что? – возмутился князь такому предательству, но быстро овладел собой и снова повернулся к Нары. – Тебе ничего не угрожало! Сидела бы спокойно в каюте, и всё было бы хорошо!

– Хорошо? – она аж подскочила от возмущения – тут же поморщившись от боли в раненых ступнях – после чего даже ткнула в князя пальцем, обличая: – Вы угрожали сделать меня вашей наложницей!

Князь оторопело поморгал, потом сухо и недовольно переспросил:

– В чём ты тут увидела угрозу, Нары? В моём доме ты всегда будешь в безопасности, это я могу тебе гарантировать.

Возник момент культурного непонимания. Ньонский князь, совершенно точно, не видел в своём решении ничего оскорбительного для Нары; взять захваченную в набеге де-

вушку в личные наложницы, а не продать в рабство, было в его глазах решением благородным и красивым, и он сам себе виделся героическим спасителем прекрасных девиц.

Нари, разумеется, смотрела на дело совсем иначе.

– Но я не хочу быть вашей наложницей! – эмоционально всплеснула она руками.

В душе её всколыхнулась надежда на то, что юный князь, возможно, не совсем уж подлец, и между ними всего лишь произошло недопонимание. Сейчас они его разрешат – и он её отпустит, ведь правда?

– В смысле? – между тем, ошалело уставился на неё князь, для которого мысль о том, что какая-то безродная ниййка с захваченного им острова не мечтает быть его наложницей, оказалась слишком революционной.

– В прямом! – заверила его Нары и оптимистичным приподнятым тоном затарахтела: – Что ж, если мы, наконец, разобрались в этом вопросе, то предлагаю на этом месте и распрощаться! Право, не могу сказать, что было приятно познакомиться, – она сделала пару шагов назад, – и искренне надеюсь больше никогда вас не увидеть, – ещё пару шагов...

– Стоять. – Сухим трескучим голосом велел князь, и она испуганно замерла на полушаге. Потом, подумав, всё же аккуратно опустила ногу на землю – обратно на место, а не туда, куда хотела шагнуть.

Князь одним резким шагом преодолел всё то расстояние, на которое она успела отойти, и навис над нею.

– И куда же ты собралась, радость моя? – язвительно прошипел он, уставив на неё свои ястребиный глаза. – Всё-таки решила предпочесть компанию моих людей? – мягкий голос его сочился патокой.

Непроизвольно Нари вздрогнула.

– Если так, – насмешливо сложил руки на груди князь, – то, конечно, не буду тебя удерживать. Желание дамы, как известно, закон! – издеваясь, продолжил изгаляться он.

Нари прищурилась. Признать, что сейчас общество князя ей весьма и весьма желательно, не хотелось. Она не была уверена, что успеет добраться до леса и затаиться там, пока её не заметит ещё кто-нибудь из его банды. Да и их странная уверенность в том, что с острова ей всё равно деться было бы некуда, вселила в неё некоторую тревогу: возможно, ньонцы не собирались уезжать отсюда всем составом? Возможно, остров приглянулся им как база, и у неё так и так не было бы шансов скрыться тут от них? Не смогла бы же она жить в лесу отшельницей! У неё навыков выживания не хватит, не говоря уж о зимних холодах, которые точно её бы прикончили!

Нет, с опасного теперь острова нужно валить. И в настоящий момент её единственный способ отсюда сбежать – это корабль этого наглого князя. Ход на который ей предлагается в качестве его наложницы.

Ей совершенно не импонировала мысль платить за проезд собственным телом – по правде сказать, она и вообще ещё не

успела познать прелесть плотских утех, поскольку являлась девушкой богобоязненной и чтитела заповеди, – но умирать не хотелось тоже.

Вдруг ей в голову пришла светлая мысль.

Точнее, мысль эта показалась ей светлой, и лишь выговаривая её, она поняла, что, наверно, поступает неразумно.

Но сперва это увиделось ей выходом столь очевидным, что она повернулась к дружку князя с вопросом:

– Скажите, добрый господин, а вам послушная наложница не нужна?

Тот, явно не ожидавший такого предложения, еле сумел сдержать смех; но по его дрогнувшим губам и искоркам, которыми засветились его глаза, она разгадала, что он оценил её находчивость. Это добавило ему ещё несколько очков симпатии в её глазах. Ну правда же, этот вариант чем дальше, тем более предпочтительным ей казался – когда бы не препятствие в виде наглого князя!

Тот – она краем глаза отметила это – аж рот приоткрыл от возмущения её предложением. Чай, и впрямь уже считал её своей!

«А вот фигу тебе! – мстительно и злорадно подумала Нарри. – Даже в сложившейся ситуации я смогла найти вариант предпочтительнее тебя!»

Глубокая оскорблённость, которая легко читалась на лице ошеломлённого князя, отозвалась в её душе чувством торжества.

Новый кандидат в покровители, Впрочем, поспешил разрушить её наивные мечты. Откашлявшись, он вежливо ответил:

– Мадемуазель, я весьма польщён той честью, которую вы мне оказываете вашим предложением, но, увы, вынужден отказать. Боюсь, – он бросил лукавый и весёлый взгляд на князя, – не в моих правилах отбивать женщин у собственных друзей.

Определённо, этот парень нравился ей чем дальше, тем больше! Быстро взглянув на князя и убедившись, что тот было успокоился, она невинным тоном, глядя куда-то между мужчинами, произнесла:

– Ах! Немало мужских дружб было разрушено ссорой из-за прекрасных женских глаз! – и выразительно похлопала ресницами.

Симпатичный парень мягко рассмеялся. Князь, к её удивлению, не рассердился, а тоже улыбнулся сентиментально, и ответил ей голосом настолько тёплым, что её даже удивило, что он умеет так говорить:

– Скала не просто друг, он мой названный брат. Я за него умру, я за него убью, я за него сотню таких островов кровью залью. Так что и не надейся, Нарн. Нас ты не поссоришь никогда.

Звучало торжественно и веско.

– Скала? – переспросила она, пытаясь понять, правда ли ньонцам дают такие странные имена. Князя, кажется, тоже

вон громом обозвали...

– Позвольте представиться, – с лёгким поклоном шагнул к ней поименованный скалой, – Нейланд Дрангол, скалистый воин. – Нарі настороженно кивнула, а тот, меж тем, повернулся к князю: – Ты и сам по форме не представился, да? – с лёгким смешком кивнул сам себе и снова повернулся к Нарі: – А мой невоспитанный друг – Эрмин Кьерин, грозовой храбрец.

– Как-как вы сказали? – невинно переспросила Нарі. – Грозовой наглец? В самом деле, удачное прозвище! – смирилась она князя недовольным взглядом.

Тот задрал лицо к небу и простонал что-то невразумительное.

– Между прочим, – непринуждённо вернул его на землю Дрангол, – твоя непослушная недоналожница мало того, что продрогла, так ещё и ноги изранила.

Князь с потрясением и возмущением уставился на её прекрасно видневшиеся из-под не такой уж длинной рубашки ноги.

Она почувствовала себя неуютно и захотела их спрятать – да вот было некуда.

– Туфли-то ты куда дела? – замогильным голосом поинтересовался князь.

– Как бы я в них плыла бы? – обиженно буркнула Нарі, пытаясь всё-таки запрятать более пострадавшую ногу за ту, которая выглядела почти целой.

Манёвр вышел слишком смелый: она пошатнулась, теряя равновесие.

– Морская бездна! – простонал князь и быстрым сильным движением – быстрее, чем она смогла опомниться, – подхватил её на руки.

Она замерла не столько в страхе, сколько в недоумении. Князь не казался таким уж сильным – юный, худой, на первый взгляд совсем не мускулистый. Ан нет же, подхватил таким лёгким движением, как будто ему тяжести таскать не впервой!

Пока она пыталась справиться с изумлением, он не стал терять времени и скорым шагом понёс её к кораблю.

Только спустя полминуты до Нары дошло, что нужно бы возмутиться и попытаться вырваться, но...

Ноги и впрямь болели ужасно, и холод пробирал насквозь, даже кафтан уже не спасал – подмога в виде тёплой груди князя и столь же тёплых его рук оказалась слишком заманчивой, чтобы от неё отказываться. Поэтому с возмущениями она решила повременить до прибытия на корабль.

Судя по мелькнувшей на его губах быстрой улыбке, он ход её мыслей уловил. Но ничего говорить не стал, и поэтому она всё-таки, скрепя сердце, добавила одно очко симпатии и ему.

Глава пятая

Настроение Кьерина было заоблачно прекрасным. Остров, который он наметил себе под пиратскую базу, удалось захватить без единой потери со стороны его воинов. Выгоды от этого было немерено: и сама база, и захваченные рабы, и право дополнить узор своих татуировок новой гордой отметкой, и, как следствие, возросшая репутация. А то дядья всё не уймутся, что род достался такому молокососу! Нет уж, он всем докажет, что по праву занимает своё место.

В идеале, конечно, было бы подвести этот захват под ответственность Раннида – чтобы поссорить его с Ниией... Но тут уже нужна некоторая доля везения. Кьерин, правда, полагал, что удача ему и в этом улыбнётся.

Ещё один плюс – девчонка, которую он теперь нёс на руках.

Сперва она приглянулась ему чисто внешне: роскошные золотые волосы, каких он никогда не видел в Ньоне! И в остальном природа тоже не обидела, девушка на загляденье хороша, приятное личное дополнение к общей победе.

Теперь же Кьерин был очарован и характером своей добычи тоже; ему ужасно нравилось в Нари всё: и живость, и бойкость, и гордость, и упрямство, и наглость, и дерзость, и храбрость, и внутренняя сила! Ему даже в голову не могла прийти мысль, что захваченная девчонка попыбует сбежать

через порт, а тем паче – что ей такая затея удастся. «Чуть не сбежала в лес!» – хмыкал он про себя с восхищением.

Она была совсем не такая, как он привык, и это делало её особенно интересной. Ему чрезвычайно хотелось знать, что она ещё выдумает, сделает и скажет, – и он с предвкушением ожидал, сколько всего необычного и яркого готовят ему эти отношения.

Меж тем, Нары, в попытке согреть окоченевшие руки, положила их ему на грудь – осторожным невесомым движением, словно рассчитывала, что он не заметит её прикосновения.

Он нахмурился, осознав, насколько же она продрогла. До этого он как-то не успел задуматься об этом: сперва был слишком ошеломлён фактом её побега, потом импровизировал в попытках вытащить её так, чтобы не потерять авторитет перед подчинёнными, затем восхищался... Теперь ему сделалось стыдно, что из-за его небрежности она пострадала.

Он прижал её к себе крепче и ускорил шаг.

Наконец, достигнув каюты, он опустил её на койку – осторожно, чтобы не задеть ступни, – и зарылся в ларь со своей одеждой, откуда вскоре извлёк самую тёплую нижнюю рубашку, какую нашёл.

– Переодевайся, – велел он ей, подавая рубашку.

Она сверкнула на него глазами и замерла на койке.

«Чем ей моя рубашка не угодила!» – раздражённо подумал Кьерин и поторопил:

– Нары, ты простынешь. Переодевайся.

Лицо её сделалось упрямым-упрямым.

– Я не буду переодеваться при вас! – к его неожиданности, горячо и яростно воскликнула она.

Он удивлённо сморгнул. В своей мокрой рубашке она и так была всё равно что обнажённой – и он не заметил, чтобы этот факт как-то её смущал. Откуда теперь эта ложная скромность?

Нахмурившись, он хотел было вступить в спор, но припомнил, что она и так вся промёрзла, поэтому сейчас не лучшее время для доказывания своей правоты.

– У тебя две минуты, – буркнул он и вышел.

Сперва он планировал было послать дежурившего снаружи матроса в камбуз, за едой и горячей водой, но тут до него дошло, что так ему останется весьма глупо торчать под дверями собственной каюты. Это обстоятельство его разозлило, и он решил пойти в камбуз сам. По дороге вспомнил, что у неё изранены ноги, и было бы неплохо заняться их лечением, поэтому отправился искать мази – они где-то точно были, но он не помнил, где именно, а лекарь остался на берегу.

Две минуты неожиданно растянулись на четверть часа.

Когда он всё же вернулся, то обнаружил, что предоставленная сама себе Нары занялась проблемой с ногами самостоятельно, и уже умудрилась разорвать что-то из его имущества себе на бинты и начать перевязывать ступни.

– Ты совсем сбрендила? – пытаясь аккуратно сгрузить

всё, что притащил, раздражённо спросил Кьерин. – Хочешь умереть от заражения крови?

– Хочу! – дерзко сверкнула она на него непокорными глазами.

Он на секундочку завис. Глаза её были светло-серые, прозрачные, похожие на светящееся после ветреной грозы небо.

Тряхнув головой, он ворчливо отметил:

– А если не умрёшь, а если тебе только ноги отрежут?

Она скривилась.

Досадливо фыркнув, он принялся готовить себе плацдарм для дальнейших работ: откопал тазик, наполнил водой, достал подходящие тряпки и бинты.

Она следила за ним настороженным тревожным взглядом.

Наконец, закончив с приготовлениями, Кьерин сел прямо на пол перед нею, невозмутимо задрал платье ей на колени – она вздрогнула и хотела было отпрянуть, но он уверенно удержал ближайшую к нему ногу за лодыжку и принялся аккуратно, с помощью промоченной тряпицы, стирать с неё грязь и кровь.

Нога её ощутимо дрожала; он подумал, что она так и не смогла согреться, и, не отрываясь от своего дела, напомнил:

– Там горячий обед на подносе, поешь.

Она, впрочем, не спешила последовать его совету.

Некоторое время молчала, потом тихим бесцветным голосом спросила:

– И часто это ньонские князья моют ноги своим наложни-

цам?

Он поднял на неё взгляд. Лицо её, совершенно оторопевшее, весьма его рассмешило.

– Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так делал, – насмешливо ответил он, переходя ко второй ноге.

Она вздрогнула, когда он начал её протирать, но не отёрнула.

– Я бы и сама справилась, – наконец, весьма недовольно заявила она.

– Сказала девушка, которая только что призналась, что хочет умереть от заражения крови, – язвительно хмыкнул он, закончив с омыванием и берясь за лекарства. – Я лучше уж перестрашуюсь, Нарн. – На чистую тряпицу накапал спирту и предупредил: – Осторожно, сейчас будет больно.

– Уж поняла, – скривилась она и деревянно застыла.

Кьерин постарался действовать максимально аккуратно, но ступни её были содраны в кровь там и сям: она, не глядя, бежала по камням и сухим веткам. Она вздрагивала и едва слышно сквозь зубы шипела от прикосновений проспиртованной тряпки; руки его отчего-то начинали дрожать. Он злился сам на себя и тоже шипел сквозь зубы какие-то ругательства.

Это обстоятельство вызвало у неё смешок.

– Больно мне, а материтесь вы! – высказала она, и тут же поморщилась от стрельнувшей в ступне боли.

– Ты же не знаешь ньонского? – подняв голову, прищу-

рился он.

– Так по интонации очевидно, – вздохнула она, поёжилась, пошевелила пальцами на ногах и жалобно спросила: – Много ещё?

– Нет, – отрезал он, возвращаясь к необработанным царяпинам.

Их количество и глубина оказали на него самое раздражительное действие.

– А давай ты больше не будешь бегать босиком? – хмуро предложил он, закончив, наконец, с дезинфекцией, и переходя к заживляющей мази.

Она облегченно вздохнула и в его же тоне отреагировала:

– А давайте вы больше не будете меня запирать?

Он зыркнул на неё возмущённо; она ответила ему не менее возмущённым взглядом.

– Так хотелось свести более близкое знакомство с моими людьми? – хмыкнул он, перевязывая ей ступни.

Нари ничего не ответила, но поджала под себя ноги сразу, как только он закончил, и тут же независимым гордым жестом оправила подол.

– Пообедай, – велел он, поднимаясь.

Она ничего не ответила, глядя на него недовольно и обиженно. Влажные волосы её, потерявшие где-то косынку, стали уже подсыхать и золотились на её плечах лёгким светящимся облаком. Нежная кожа шеи контрастно выступала из-под мужского строгого ворота рубашки, отчего Нары каза-

лась ещё более хрупкой и женственной.

От её красоты у него перехватило дыхание.

Сглотнув, он отрезал:

– Буду вечером. – Затем быстро добавил: – За портами с палубы следят теперь.

– Не дуручка, – зло зыркнула она на него.

Он мягко усмехнулся, но ничего не ответил и вышел.

...вернулся он гораздо позже, чем предполагал: слишком много дел требовали его внимания и непосредственного участия. Часть людей оставалась на острове, часть возвращалась с ним; нужно было расположить в трюме захваченных рабов, разобраться с добычей – что брать, что оставлять... дележи, споры, доходящие до драк!

Когда Кьерин вернулся в каюту, Нарн уже спала.

Он с улыбкой полюбовался её мирным видом и устроился рядом.

Заснуть ему, впрочем, не удалось, потому что она, разбуженная его появлением, вдруг распахнула глаза, проморгалась, обнаружила его рядом и громко завизжала.

– Бездна! – подскочил на койке Кьерин, не ожидавший таких бурных реакций.

Нарн, отвизжавшись, кубарем скатилась на пол.

Он удивлённо поморгал. Он, совершенно точно, не планировал сегодня никаких поползновений в сторону её тела, потому что слишком устал, и не понимал, чем её так напугала банальная совместная ночёвка.

– Нари? – вопросительно свесился с койки он.

С пола ему ответил яростный блеск её глаз.

– Я не буду с вами спать! – категорично и бурно высказалась она.

Он закатил глаза. Затем с насмешливой любезностью отметил:

– У меня тут всего одна койка, Нари. Если ты не планируешь спать со мной – то где?

Она села, подтянула под себя ноги, попятилась по полу от него, одновременно оглядываясь.

Каюта была невелика, и обилием спальных мест и впрямь, не баловала.

– За столом посплю! – наконец, сделала выбор Нари.

Кьерин устало потёр лоб. У него не было никаких сил спорить с ней, поэтому он буркнул:

– Как знаешь! – и устроился поудобней.

В ответ ему раздалась фырканье и шорох.

Он незаметно скосил полуприкрытые глаза: она и впрямь села за стол, положила на столешницу руки и устроила на них голову.

«Дурочка!» – устало подумал он и, закрыв глаза, тут же провалился в сон.

Глава шестая

Нари, конечно, не спалось, и дело было вовсе не в неудобном положении.

Она злилась на Кьерина, который, видите ли, взялся тут таскать её на руках, промывать ей царапины, и вообще!

С Нарю никогда ничего подобного не случалось. Молодые люди, которые жили в их деревне, были грубоваты и не очень-то умели ухаживать за девушками, а Нарю не спешила выходить замуж за первый подвернувшийся вариант. Она была отличной рыбачкой, а ещё умела прекрасно коптить свой улов, да и покупали рыбу у красивой весёлой девушки куда охотнее, чем у кого другого. Отец её был моряком, и тоже помогал с деньгами, а деревенские её не обижали.

Нарю не спешила замуж, потому что ей мечталось о чём-то более романтичном, чем грубые плоские шуточки и шелудивые ручонки, так и норовившие приобнять. Она даже думала перебраться однажды в город – в её глазах городские парни были овеваны романтической дымкой предполагаемой изысканности манер.

И тут, видишь ли, в её жизни случилось такое совершенно чудесное явление, как заботливый мужчина, который кутает её в свой кафтан, носит на руках и моет ей ноги!

И всё бы хорошо, но мужчина этот – наглый ньонский пират, который разграбил её деревню, а саму её украл, потому

что, видите ли, ему понадобилась новая наложница!

Тьфу три раза, и четыре сверху!

От разочарования и обиды Нары тихонько всхлипнула.

Однако тут же строго напонила себе, что глупо сетовать на то, что укравший её мерзавец отличается некоторой романтической заботливостью. Это в любом случае лучше, чем грубый насильник, которому вообще нет дела до её чувств.

Князь оказался всё же не совсем подлецом, и этим можно было как-то воспользоваться. Во всяком случае, потянуть время, придумывая план побега.

Нари тяжело вздохнула. Если князь доведёт её до Ньюна, её шансы на побег стремительно и необратимо сведутся к нулю.

Значит, нужно сбежать до того, как они достигнут Ньюна.

Можно даже прежним путём, через порт. Вот такой вот ночью, как сейчас. Главное, точно определить момент, когда они будут недалеко от берега. Плавала Нары отлично, но стоило трезво оценивать свои силы; долго она с морскими волнами не проборется.

«Либо доплыву до нийского берега и буду свободна, либо утону и не стану наложницей», – оптимистично заключила Нары и решила следовать именно такому плану.

Для его осуществления было бы неплохо разобраться, каким маршрутом и с какой скоростью они следуют. Нары более или менее представляла себе карту местных берегов – в конце концов, ей случалось частенько ходить к материку, а

уж про ветра в Многоземном море она могла бы целый справочник написать.

Осторожно взглянув на князя и убедившись, что он крепко спит, Нарі тихонько встала и подошла к раздраенному порту. Ночной морской воздух пахнул на неё ароматом свободы и счастья.

Она высунулась наружу, наслаждаясь порывами такого родного морского ветра, и еле удержалась от радостного вскрика: ей была прекрасно видна и луна, и несколько ярких звёзд, так что не составило ни малейшего труда понять, в каком направлении идёт корабль.

Оставалось дело за малым: определить, с какой скоростью он движется, чтобы примерно высчитать его путь.

Нарі тихонечко обошла каюту в поисках того, что можно было бы использовать как лаглинь [1], но на первый взгляд ничего подходящего не нашлось. Однако она же была на корабле! Наверняка здесь можно будет потихоньку стащить откуда-то лаг, если даже в каюте она его не найдёт!

Или, если уж дела будут совсем плохи, можно попробовать определить положение корабля по звёздам – вон, астролыбия в каюте имеется, а Нарі худо-бедно умеет ею пользоваться.

Не слишком хорошо, правда.

Нарі вернулась к порту, чтобы ещё разок взглянуть на звёзды и прикинуть, хватит ли её навыков для определения точного расположения судна с помощью астролыбии.

– Точно сумасшедшая, – донёсся от койки обречённый вердикт князя.

Шараханья Нары по каюте его разбудили, и он сделал вывод, что она снова пытается сбежать через порт.

– Ты хоть понимаешь, насколько мы сейчас далеко от берега? – продолжил выговаривать он, садясь. – Утопнешь!

Нари прекрасно понимала, что прямо сейчас она и впрямь сбежать бы не смогла, потому что непременно погибла бы в борьбе с волнами. Однако намекать князю на то, что у неё есть более исполнимый план, было бы безумием, поэтому она лишь фыркнула насмешливо:

– Неплохой вариант!

Кьерин поморщился. Потёр лоб рукой. Очень хотелось спать, но строптивая девчонка под боком может учудить глупостей, поэтому лучше, наконец, разобраться, что её не устраивает.

– Почему ты хочешь сбежать? – прямо спросил Кьерин, для которого этот вопрос и впрямь был загадкой. Он полагал, что Нары сказочно повезло, что он обратил на неё своё внимание, и лучшей судьбы она желать бы не могла.

– В самом деле, с чего бы это!.. – хмыкнула Нары, которую весьма раздражала его незамутнённая уверенность в собственной неотразимости. – Я вам говорила, – напомнила она мягким тоном, словно обращалась к душевнобольному, – меня не манит роль вашей наложницы.

– Но почему? – искренне удивился Кьерин, вставая и де-

лая к ней шаг. – Я очень богат, – попытался втолковать он ей. – Ты ни в чём не будешь нуждаться, никогда. У тебя будет всё лучшее из того, что ты пожелаешь! – пылко заверил он.

Она сложила руки на груди и насмешливо поправила:

– Кроме свободы.

Он нахмурился.

– О какой свободе ты говоришь? – переспросил он. – Ты женщина, Нарі. Ты так или иначе принадлежишь мужчине!

Она возвела глаза к потолку.

– Большую часть своей жизни я прекрасно жила свободной, и никому не принадлежала, – жёстко отрезала она, и после добавила: – И вам не буду.

Отметя её бредни о том, что она якобы была свободной – должно быть, её отец был весьма глуп и не научил её жизни, – он с нажимом возразил:

– Ты *уже* моя, Нарі.

Ему очень нравилась эта мысль, и выговаривать её было особенно приятно. Он был весьма доволен тем, что встретил такую необычную девушку, и что эта девушка теперь полностью принадлежит ему.

Нарі, естественно, его собственнических притязаний не одобрила.

– Я своя собственная, – холодно поправила она.

Её упорство его обозлило. Ему захотелось немедленно утвердить над ней свою власть, заставить её признать, что она принадлежит ему и только ему.

– Твои иллюзии по поводу женской свободы совершенно несостоятельны, Нарри, – сухо отметил он, делая ещё шаг к ней.

Она вздрогнула, но отступить было некуда – за её спиной стоял стол.

Он подошёл вплотную – впрочем, не прикасаясь к ней. Лунный свет из порта рельефно высветил черты его строгого лица, и по его выражению она поняла, что он сейчас скажет что-то очень страшное для неё.

– Если ты настаиваешь на том, что ты свободна, – мягко и певуче произнёс он, гипнотизируя её, – то, конечно, как совершенно свободная девушка ты прямо сейчас свободно выйдешь за дверь, – он скривил губы и язвительно закончил: – И я снимаю с себя всякую ответственность за то, что там с тобой сделает моя команда. Поскольку свободная женщина, конечно, сама в состоянии решать свои проблемы подобного рода, – сладким голосом добил он.

Отчаяние и чувство беспомощности захватили её с головой. Он загнал её в угол – во всех смыслах этого слова – и она не видела никакого выхода из этого угла.

– Ах, уже не хочется быть свободной? – издеваясь, поддел он. – Уже хочется быть моей?

Нарри в который раз напомнила себе, что лучше он один, чем они все.

Он, в конце концов, даже не был противен. Совсем ещё юный – не красивый, но и не отталкивающий, – и с зачатка-

ми хороших манер. Он не казался человеком, который будет груб с женщиной, – в отличие от тех его похотливых товарищей, которых она уже имела несчастье наблюдать.

С ужасом Нарі поймала себя на мысли, что, в самом деле, купить свою жизнь и безопасность ценой близости с ним – не такая уж и дурная сделка.

Ей сделалось мерзко и противно; особенно мерзко именно потому, что она всерьёз примерилась к мысли о том, чтобы отдаться ему в обмен на эту самую безопасность.

– Поцелуй меня, Нарі, – вдруг ворвался в её размышления его требовательный голос. – В знак того, что хочешь быть моей.

Он был уверен в том, что наконец-то привёл её к покорности.

Однако даже загнанная в угол, напуганная и не видящая для себя никакого выхода Нарі – не собиралась сдаваться.

– Как же ты жалок! – с глубоким чувством презрения чётко выговорила она ему прямо в лицо вместо поцелуя.

Этот неожиданный выпад вызвал у него скорее недоумение, чем гнев.

– Только и можешь, что угрожать мне своими бандитами! – ободрившись, продолжила пылко обличать его Нарі. – Но я никогда, никогда тебя не поцелую, слышишь?! – она толкнула его в грудь руками; и, хотя он явно был сильнее её и мог проигнорировать этот тычок, он всё же сделал шаг назад.

На лице его читалось самое искреннее недоумение.

– О да, ты можешь взять меня силой! – нервно рассмеялась она, расхаживая по тесной каюте из стороны в сторону. – Или можешь запугать так, что я сама под тебя лягу! – она пронзила его взглядом гневным или убийственным. – Но я никогда не буду твоей, по-настоящему твоей! – разворачиваясь в очередной раз мимо него, ткнула она в него пальцем.

– Но почему? – вклинился в её страстный монолог его удивлённый вопрос.

Она, остановившись, смерила его злым взглядом, но он выглядел как человек, который в самом деле не понимает.

Она, к тому же, добавила ему очко симпатии за то, что он спокойно выслушал её вспышку и, кажется, сам хотел разобраться в её причинах. Поэтому она решила снизойти до убогого ньонца и объяснить ему по слогам самые очевидные из вещей.

– Ты уничтожил мой дом, – стараясь подавить дрожь в голосе, сказала она. – Разрушил мою жизнь. Замучил моих друзей и знакомых. Разве этого мало, чтобы ненавидеть тебя? – серьёзно и строго спросила она.

Он моргнул три или четыре раза, затем вполне спокойно ответил:

– Я дам тебе новый дом, гораздо лучше прежнего, и гораздо лучшую жизнь. И, если ты так хочешь, я оставлю твоих людей у себя.

Пришёл её черёд моргать, глядя на него с недоумением.

По его лицу и голосу читалось, что он и впрямь считает,

что может просто взять и купить её прощение.

– Дай мне Господь терпения! – взмолилась Наря.

Князь, хотя и не поддержал её молитву, был полностью солидарен с этим призывом. Ему тоже катастрофически не хватало терпения в разговоре с этой странной девицей, которая не понимает очевидных вещей.

Лаглинь – длинный тонкий трос, который служит основой для лага, простого прибора, позволяющего измерить скорость парусного судна.

Глава седьмая

Нари смертельно устала. Этот день выдался слишком долгим и кошмарным. Она уже несколько раз признала неизбежность собственной скорой смерти, и это постоянное ощущение себя почти-трупом совершенно вымотало её психически и эмоционально.

Сил спорить с закостеневшим в своих заблуждениях ньюнцем у неё уже не было – в конце концов, чего она ожидала от избалованного князька, который, очевидно, никогда не сталкивался с женскими отказами и в целом не представлял себе, что где-то за пределами его отсталой варварской страны женщины имеют право сами выбирать себе мужчин?

Однако, как ни крути, князю удалось произвести на неё какое-никакое положительное впечатление. Он казался вполне разумным, способным рассуждать, слышать чужие аргументы. Это не отменяло, конечно, того факта, что он был мерзавцем и варваром; но всё же он был разумным варваром.

– Давайте договоримся? – устало предложила Нары.

Предложение её вызвало у Кьерина заметное оживление: он тоже устал, ужасно хотел спать и, в самом деле, предпочёл бы договориться о чём-то миром, чем выходить на новый виток войны.

– Давайте вы просто отпустите меня в ближайшем нийском порту? – предложила Нары, сама поняла, что вышло

слишком прямо, и поспешно добавила: – Я всё равно никогда не стану такой наложницей, как вам хотелось, так что вы только даром потеряете время!

В лунном свете его ястребиный взгляд казался ещё страшнее: к нему примешивался едкий мистический блеск.

– Это называется не «давайте договоримся», – насмешливо поправил он, – а «давайте вы сделаете по-моему!»

Нари насупилась, потому что возразить было нечего.

– Вношу альтернативное предложение, – мягко заговорил Кьерин. – Ты перестаёшь грезить о побеге, а я не стану торопить тебя с принятием решения быть моей.

С его точки зрения, это был великолепный компромисс: она, конечно, весьма манила его как будущая любовница, но он уже вошёл во вкус от простых взаимодействий с нею, и вполне готов был подождать. С ней было интересно, и постельные развлечения перестали быть для него самоцелью, а теперь виделись лишь как один из элементов насыщенных и ярких отношений.

С точки зрения Нары, это был подлый и коварный удар. Она знала наглого князя всего один день – день, в который он пришёл захватчиком и разбойником! – но он уже успел произвести на неё впечатление своими манерами и своей разумностью. К своему стыду и гневу, она признала, что его выжидательная тактика вполне могла закончиться её капитуляцией.

«Неужели я вправду могла бы позабыть, какой он мерза-

вещь?» – скривилась она, в ужасе прислушиваясь к своим чувствам.

Чувства её непреложно отвечали: да, могла бы.

Ей было мерзко и противно это признавать, но его заботливость и внимательность к ней уже тронули её сердце; и она уже иногда забывала, сколько у неё веских причин его ненавидеть. Если так будет продолжаться дальше – ужасные события сегодняшнего дня и совсем сгладятся в её памяти, а его чуткое осторожное отношение к ней даст свои неизбежные плоды. И она, в самом деле, сама радостно упадёт в его объятия.

Нари аж замутило от подобных перспектив. Мысль о том, что она может однажды отдаться этому мерзавцу добровольно, казалась ей и бесконечно унижительной, и возмутительной, и горькой, и страшной.

– Никогда! – решительно тряхнула она головой.

«Лучше смерть!» – гордо пронеслось в её мыслях.

Это соображение – что она скорее умрёт, чем добровольно останется с ним, – придало ей сил.

– Нары, ты дурочка? – устало спросил он, подходя к ней, вглубь каюты. С укором добавил: – Я готов идти на уступки из уважения к тебе и твоему свободолюбивому нраву, но тебе не стоит так забываться и упускать из внимания тот факт, что мне может надоест потакать твоим капризам.

Сердце её замерло от ужаса.

Она не то чтобы забыла, что ему... может надоест «пота-

кать её капризам»... Она просто уже записала его в «не совсем подлецы», и потому не ждала чего-то страшнее пустых угроз и выражений недовольства.

То, что он прямо напомнил ей, что ему «может надоесть», заставило её смотреть на ситуацию совсем уж пессимистично.

«Либо он ломает меня медленно и, как говорится, нежно, – сделала вывод она, – либо ему надоедает играть, и он ломает меня быстро и больно».

Альтернатива показалась ей кошмарной.

«Я в любом случае проиграю, – сделала вывод она. – Если только не смогу сбежать».

Но с последним её шансы тоже таяли на глазах. Возможно, если она сейчас сыграет покорность, ей удастся притупить его бдительность и вернуться к плану с «добраться до берега Ниии вплавь»?

Но этот план был безумным и зыбким. Если их корабль будет удачно проходить недалеко от берега, если она сумеет вычислить положение корабля, если ей удастся сбежать через порт, если ей удастся доплыть, если он не бросит своих людей на её поиски...

Нари определила бы свои удачные шансы как один против девяносто девяти.

От отчаяния и безнадежности ей сделалось совсем тоскливо и страшно. Мысли, которые она гнала от себя весь день, – мысли о том, что у неё всё равно нет шансов, мысли о

том, что всё равно всё кончено, что она всё равно умрёт, что её всё равно ждут только боль и страх, – догнали её, наконец.

В накрывающей её с головой панической истерике она взмахнула руками.

– Ах, вот как! – воскликнула она и прежде, чем он успел понять, что она делает, рванула к порту, быстрым движением забралась в него, высунула ноги наружу и, зацепившись руками за рамы, нервно обернулась и крикнула в его ошеломлённое лицо:

– Ни шагу ко мне, иначе прыгну!

Её истеричный голос срывался; ветер трепал светлые волосы, в лунном свете мерцающие мистическими бликами. Под её ногами разверзлась бездна: холодные морские волны сурово разбивались о корму корабля, и часть брызг долетала и до неё. По коже пошли мурашки от холода и страха.

– Ты что творишь?! – прошипел из угла каюты князь, впрочем, не делающий попыток приблизиться к ней. Однако его хищный острый взгляд так вцепился в неё, что, ей казалось, она и не сможет прыгнуть, потому что взгляд этот пришил её к кораблю.

– Я лучше... лучше умру, чем буду вашей! – звонким срывающимся голосом заявила она. – Или вы отпустите меня, или я умру, умру, так и знайте! – в истерике задохнулась слезами она.

– Куда я тебя отпущу, дурочка?! В открытое море?! – язвительно переспросил князь, внутри себя взвешивая шансы

успеть вытащить её живой, если она и впрямь прыгнет.

Шансы были так себе.

– В ближайший нийский город! – захлёбываясь ветром и слезами, поправила она.

– В ближайший нийский город, – строго повторил он и кивнул: – Хорошо.

Она так задрожала, что чуть не вывалилась наружу.

Он резко шагнул к ней.

– Не подходите! – снова потребовала она, перехватываясь покрепче и с недоверием переспрашивая: – Вы меня обманываете, да?

– Смысл мне тебя обманывать, Нарн? – сухо открестился он, складывая руки на груди, после чего пояснил: – Положим, я обману тебя сейчас. Чтобы через несколько дней снова наслаждаться подобными картинками? – дёрнул он подбородков в её сторону.

Он говорил справедливые вещи, но ей всё же не верилось, что он, в самом деле, так легко отступил.

– Вы меня отпустите, правда? В ближайшем городе? – срывающимся голосом переспросила она.

– Да, отпущу, в ближайшем нийском городе, или в другом, если ближайший тебе не понравится, – сухо подтвердил он.

Она прикрыла глаза от облегчения.

В следующую секунду обнаружила, что не знает, как забраться обратно: она держалась тем, что упиралась обеими

руками и почти висела над морем.

Он разгадал её затруднения и скучающим тоном уточнил:

– Я могу тебе помочь?

– Да, пожалуйста... – попросила она.

Он подошёл, перехватил её за талию – приятно тёплыми руками – и затащил обратно в каюту.

Несколько секунд она просто дрожала, пытаясь справиться с нервным перенапряжением.

Он, стоя в двух шагах, рассматривал её задумчиво и недовольно.

Когда она справилась с паникой и истерикой, то с ужасом поняла, что не видит на его лице ни досады, ни гнева, ни упрямства – ничего из того, что должно было бы на нём отобразиться, если бы она своим шантажом действительно достигла бы успеха.

– И в чём подвох? – тихо и устало спросила она.

Он наклонил голову, и она вздрогнула от его пронзительного взгляда.

– Ты забыла, Нар, – мягко и спокойно напомнил он, – что у меня полный трюм людей, которых ты назвала... – он издевательски протянул: – Своими друзьями и близкими. Конечно, я пошёл бы навстречу своей любимой наложнице, – с удовольствием протянул он, – и позаботился бы о них, а то и позволил бы ей самой определять их дальнейшую судьбу.

Утомлённо прикрыв глаза, Нар внутри себя признала, что проиграла окончательно и бесспорно.

Он насмешливо продолжил:

– Но, поскольку моя любимая наложница то ли вышла в ближайшем нийском городе, то ли сбежала, то ли утопла, то ли нашла себе иного покровителя, – он явно с наслаждением перечислил все те альтернативы, которые она для себя рассматривала, – то, конечно, ничто не помешает мне сорвать на них своё неудовольствие.

Он сделал шаг вперёд, подходя к ней вплотную, и мягко продолжил:

– И поверь, Нар, моё неудовольствие... будет очень велико. И я позабочусь о том, чтобы они жили долго, долго, – он наклонился к её уху, – очень долго, и познали его во всей его полноте.

По щекам её покатались бессильные слёзы.

Её не страшила смерть.

Она верила в загробную жизнь, и верила в то, что Господь её не оставит.

Но теперь речь шла не о ней – а о тех, с кем она жила бок о бок всю свою жизнь.

– Вы... – выдавила она из себя с трудом. – Вы... отпустите их, если я... сделаю, как вы хотите?..

Он оглядел её поникшую фигурку с торжеством и великодушно заверил:

– Любой каприз, Нар. Вернуться на тот остров, устроиться в любом другом месте мира, найти новую жизнь в Ньюне. Сможешь поговорить с каждым и решить, что для кого будет

лучше.

– Хорошо, – бесцветно ответила она.

Он всё-таки нашёл способ её сломать.

– Ну наконец-то! – с облегчением воскликнул он и весело спросил: – Можем, наконец-то, отправиться спать? И никаких дурацких визгов и побегов из моей кровати? – иронично поддел он.

Она уставила безразличный мертвенный взгляд куда-то в его переносицу, и тихо покорно произнесла:

– Как вам будет угодно, господин.

После чего медленно прошла мимо него и послушно легла на койку, вжавшись в стену.

Он, наблюдая за этим манёвром, нахмурился.

Что-то царапнуло его изнутри – но он не смог понять, что именно.

Вместо торжества победы он чувствовал...

Горечь и разочарование.

Помотав головой, пытаясь отогнать эти неуместные чувства, он тоже лёг, обняв её со спины.

Она не отпрянула, не оттолкнула и даже не вздрогнула, просто замерла в его руках холодной безвольной куклой.

– Точно простынешь, психованная, – пробормотал он недовольно ей в волосы.

Она не отозвалась, и это почему-то вызвало досаду.

Он высвободил одну руку, подоткнул вокруг неё одеяло, потом прижал к себе крепче, пытаясь согреть.

В сердце что-то продолжало неприятно скрести; как будто произошло что-то дурное, что-то ужасно дурное, чего никак не исправить.

Сжав зубы, Кьерин отогнал от себя это досужее чувство, закрыл глаза и велел самому себе засыпать.

Это ему вполне удалось.

Драматично настроенному читателю, жаждущему страданий, предлагается закрыть книгу на этом месте и самостоятельно продумать дальнейшую кошмарную судьбу Нары.

Читатели, которые верят, что светлое начало в Кьерине всё-таки победит, приглашаются к дальнейшему чтению.

Глава восьмая

Нари утомлённо держала на губах пустую глупую улыбку.

Кьерин, который додумался «оживить» сломанную игрушку приказом улыбнуться, мрачно смотрел на это представление и чувствовал закипающий гнев.

Всё получилось совсем не так, как он хотел!

Он думал припугнуть девчонку, чтобы она перестала выкобениваться; но он не ожидал, что её покорность будет... настолько всеобъемлющей.

Как будто из неё разом выбило всё – силу, жизнь, энергию, характер, – оставив лишь красивую пустую оболочку. Она двигалась, когда он приказывал двигаться, говорила, когда он приказывал говорить, и делала то, что он приказывал делать; и это так бесило!

– Да прекрати ты уже!.. – в сердцах воскликнул он.

Нари послушно перестала улыбаться. Лицо её застыло в пустом нейтральном выражение.

Кьерин про себя произнёс длинный матерный монолог.

– Прекрати себя так вести! – внёс он коррективы в неверно понятый приказ.

Она глупо моргнула, и, глядя в пустоту, уточнила:

– Как господину угодно, чтобы я стала себя вести?

– Нормально! – почти проревел Кьерин.

Нари, пожалуй, даже позабавилась бы его реакциям, но ей

было уж слишком скверно на душе. К тому же, ей пришла в голову мысль, что она ему быстро надоест, если будет продолжать в том же духе, и он сам со зла её убьёт, и всё, наконец, закончится.

– Если господин изволит рассказать, как мне следует себя вести... – завела свою покорную шарманку Нари.

Он прервал её высказывание раздражённым жестом, потом устало потёр глаза.

Слушать, как она называет его господином, было приятно только в первые пять раз.

После десятого начало раздражать.

После пятидесятого – бесить.

– Эрмин, – зло поправил он и уточнил: – Называй меня по имени, и без этих «господинов».

– Как прикажете, Эрмин, – покладисто согласилась она.

Он прожёл её яростным взглядом. Никогда ещё собственное имя не казалось ему настолько неприятным.

– Ты испытываешь моё терпение, – уведомил он, сложив руки на груди.

Она ничего не ответила, продолжая тупо смотреть в пространство. Свежий морской ветер – они находились на верхней палубе – красиво играл её волосами. Несколько прядей неудобно забросило ей на лицо, но она даже не дёрнула рукой их поправить, стояла всё с тем же безразличным выражением.

Он чувствовал, как внутри него закипает гнев. Хотелось

вытворить что-то – облить её водой, толкнуть, сбросить за борт! – лишь бы добиться живой реакции.

Он устало напомнил себе, что девчонка просто над ним издевается, и что, пожалуй, она даже имеет на это какие-то права, потому что вчера он, в самом деле, хватил через край. Ему по-настоящему понравились её дерзость и непокорство, и он не хотел давить и угрожать.

«С другой стороны, – подумалось ему, – эта её демонстративная покорность и есть очередная форма бунта, ведь так?»

Он сентиментально улыбнулся. Гнев в нём остыл, ему на смену пришло восхищение её находчивостью.

«Вот ведь выкрутилась!» – мелькнуло у него в голове. В самом деле, после сегодняшнего утра, которое он провёл в компании пустой безразличной куклы, ему точно и в голову не придёт мысль добиваться от неё покорности! Спасибо, распробовал!

– Нар, – тепло сказал он, предлагая её примирение, – хорошо, ты была права. Я перегнул вчера палку. Прости меня.

Она промолчала.

Он нахмурился.

– Ты простишь меня, Нар? – требовательно спросил он, с ужасом догадываясь, что сейчас услышит.

– Мне нечего вам прощать, Эрмин, – оправдала его опасения она.

В нём стало нарастать раздражение.

Чего ещё ей надо?! Да, он всё понял, он не должен был ей

угрожать, он не должен был давить, он чувствует себя виноватым перед ней, и он извинился! Почему она продолжает издеваться!..

– Нари, – попытался он ещё раз, решив, что девчонка считает, что короткого «прости» тут недостаточно, – я правда сожалею. Мне не следовало угрожать тебе. Ты меня вчера ужасно напугала, – попробовал он объяснить свои чувства. – Я был не уверен, что сумею тебя вытащить, если ты прыгнешь, – он хмурился, подбирая слова, и был так занят этим, что не заметил, как на её лице мелькнул оттенок живого чувства, которое, впрочем, она почти тут же перехватила, снова застыв в выражении нейтральной внимательности. – Я испугался и думал лишь о том, как заставить тебя выкинуть всякие мысли подобного рода из своей головы. Теперь я очень сожалею о своих угрозах, – с подкупающей искренностью в голосе заверил он. – Пожалуйста, давай забудем их как недоразумение?

Ей на язык просился язвительный ответ, что, ежели ему так дорога была её жизнь, как он пытается сейчас объяснить, то ему было бы достаточно просто выполнить её условие и отпустить её.

Его извинения не произвели на неё ни капли впечатления: это были извинения человека, который по-прежнему полагал, что она принадлежит ему, и сожалел лишь о том, что использовал неверные способы управления ею.

Она ничего не ответила, продолжая размеренно моргать

и пялиться в пустоту.

Он вздохнул, осознав, что прощать его она не намерена.

– Ступай в каюту, – уныло велел он, отворачиваясь и опираясь на фальшборт.

Привычный морской запах окутал его своими объятиями.

Она пару секунд поразглядывала его спину, но ничего не сказала, а спокойно отправилась в каюту, размышляя о том, поможет ли ей её новая тактика устроить побег – раз уж он так любезно извинился за свои угрозы и, видимо, не планировал воплощать их в жизнь.

«Если он привыкнет, что я всегда во всём слушаюсь, – сделала логичный вывод она, – то перестанет ждать от меня подвоха».

Она тут же поозиралась по сторонам в поисках вожака лагеря, но в обозримом пространстве его не наблюдалось.

Однако сердце её преисполнилось оптимизмом. Он, видимо, всё же не был совсем уж подлецом, и, кажется, не станет срываться на других за её побег. Значит, всё ещё не потеряно! Значит, у неё ещё есть шансы!

А если он перестанет везде водить её сам, и будет вот так отсылать, то она вполне сможет разобраться с местоположением корабля и подготовиться к побегу!

В каюте она удобно устроилась на койке и принялась размышлять. В голове её так и сяк крутилась карта местных вод: она пыталась прикинуть наиболее вероятный маршрут корабля.

Спустя час это занятие было прервано вежливым стуком в дверь.

«Эк его!» – насмешливо фыркнула она и поспешила спустить ноги на пол и принять глупую деревянную позу.

Не дождавшись ответа, за дверью постучали ещё раз, и Нарю усомнилась в том, что это князь – тот как раз должен был ожидать отсутствия ответа.

«Ну, кто бы ни был, пусть тогда валит обратно, раз такой вежливый!» – насмешливо подумала она.

Однако вежливость гостя, видимо, было исчерпана двумя попытками постучаться, и дверь, наконец, открылась.

Визитом её почтил дружок князя, тот самый Нейланд Дрангол, которому она немного симпатизировала.

«Хитёр», – оценила она ход Кьерина.

Подумав, решила придерживаться прежней тактики: безразлично застыла.

– Здравствуй, Нарю, – меж тем, продолжил демонстрировать наличие манер Дрангол.

Она промолчала.

– Я переживаю о вашей ссоре с Эрмином... – начал излагать цель своего визита Дрангол.

«Нельзя поссориться с тем, кто относится к тебе как к вещи», – ехидно поправила внутри своей головы Нарю, сохраняя нейтральное выражение лица.

Далее Дрангол продемонстрировал удивительные чудеса красноречия. Его монолог в защиту друга был прекрасен, и

отдельные пассажи, возможно, даже тронули бы сердце Нарри, – если бы она не додумалась мысленно сдабривать каждый из них насмешливыми комментариями.

– Он правда очень переживает, Нарри, – проникновенно заключил Дрангол. – Ты по-настоящему ему дорога.

«О как! Не просто вещь, а дорогая!» – мысленно покивала она.

Не дождавшись никакой реакции, Дрангол вздохнул и уточнил:

– Я тоже у тебя в немилости?

Она всерьёз задумалась, как стоит себя вести. Она определила как правило отвечать Кьерину только на прямые вопросы, но стоит ли распространять это правило и на остальных?

«Дудки! – решила она. – Я принадлежу этому рыжему индюку, так что всех остальных могу смело игнорировать!»

Дрангол тихонько вздохнул и сел с нею рядом. На койку.

Нарри напряглась: «Интересно, послушной наложнице стоило бы теперь отойти?»

Она, право, сомневалась в своей роли. Решила, что уйдёт из каюты, если Дрангол начнёт к ней приставать. А до этого так и будет изображать предмет.

Приставать визитёр не торопился, или не собирался вообще.

– Нарри, – наконец, начал он новую порцию уговоров, – Эрмин привык всего достигать упорством и силой. Он со-

всем не умеет выстраивать отношения с женщинами, поэтому делает совершенно идиотские ошибки. Будь к нему снисходительна, прошу тебя.

«О каком выстраивании отношений ты говоришь, идиот? – мысленно возразила Нари. – Я не давала своего согласия ни на нахождение на этом корабле, ни на нахождение в этой каюте, ни тем более на какие-то отношения с этим рыжим придурком!»

За этим негодованием она чуточку упустила контроль над лицом, и оно из нейтрального стало упрямым. Дрангол заметил эту перемену и грустно усмехнулся.

– Он тебя не удержит, так? – констатировал очевидное он.

В его голосе слышалось слишком много горечи.

Она невольно вышла из образа и бросила на него взгляд, полный негодования и укора: мол, как вроде бы умный человек может оправдывать происходящий бедлам?

Он развёл руками.

– Я хочу видеть своего друга счастливым, – объяснил свою позицию он и серьёзным, глубоким тоном спросил: – Нари, на каких условиях ты была бы готова дать ему шанс?

Её охватило негодование: за то, что он готов слепо поддерживать друга в тех ситуациях, где тот очевидно не прав, за то, что он смеет защищать Кьерина, за то, что он, в отличие от Кьерина, понимает, что она не вещь, но ничего не делает для того, чтобы это понял сам Кьерин, и, напротив, ищет способа помочь ему в его притязаниях.

Она гневно вскочила, пронзила Дрангола презрительным и обличающим взглядом и ответила:

– Вещи не ставят условий своим хозяевам.

Ядом в её голосе можно было отравить весь корабль.

Вопреки её ожиданиям, он не рассердился и не огорчился. Напротив, он выглядел как человек, который получил тот ответ, которого и ожидал.

– Я тебя услышал, Нари, – спокойно кивнул он и вышел.

Она посмотрела ему вслед взглядом «и что это было?» – и решила лучше рассмотреть имеющуюся в её распоряжении астролябию. По правде сказать, она не совсем умела ею пользоваться, но надеялась освежить память и сообразить, как действовать.

Глава девятая

Князя Дрангол нашёл в офицерской каюте – тот раздражённо пялился в карту. Заметив возвращение парламентаря, он резким жестом отослал всех лишних и требовательно уставился на друга: мол, ну что, удалось договориться?

Тот, однако, делиться новостями не спешил. Дождавшись, пока все выйдут, он уселся напротив Кьерина и принялся разглядывать его весьма вдумчиво. Взгляд такого рода весьма нервировал и раздражал; Кьерин в недовольстве приподнял брови, побуждая уже сказать что-нибудь.

Дрангол легонько пожал плечам и задал совершенно неожиданный вопрос:

– Почему ты не хочешь взять её силой?

Кьерин аж поперхнулся от такого грубого и бесцеремонного подхода. Более того, в голосе его читалась вполне заметная оскорблённость, когда он переспросил:

– Я разве похож на человека, которого привлекает насилие?

Дрангол опёрся подбородком на кулак и с некоторой благородной грустью в голосе заметил:

– Удивился человек, который только что устроил пиратский набег на мирный остров.

Тон этот, и особенно видневшаяся за ним грусть, не понравились Кьерину. Сложив руки на груди, он откинулся на

спинку стула, сверкнул по-ястребиному глазами и сухо уточнил:

– Если тебе была настолько не по душе эта затея – зачем отправился со мной?

Всё ещё удерживая на лице задумчивое созерцательное выражение, Дрангол выразительно постучал себя кулаком по виску: мол, что за дурацкий вопрос, как бы я тебя бросил?

Они некоторое время мерялись недовольными взглядами, потом Дрангол заговорил:

– Эрман, включи логику. Люди, которые грабят острова, насилуют женщин на них, – выразительно поставил он чернильницу по правую руку от себя, – а люди, которые не хотят насиловать женщин, острова не грабят, – по левую руку от себя он поставил массивный компас. – Тут либо одно, – постучал он по чернильнице, – либо другое, – постучал по компасу.

– Не вижу никакой логической связи, – хмуро отозвался Кьерин, отбирая и чернильницу, и компас, и сгребая их к себе. – То, что я разграбил её остров, ещё не означает, что я хочу её насиловать.

С минуту Дрангол смотрел на него грустно и пристально, потом перегнулся через стол, постучал по чернильнице и отметил очевидное:

– Ты её уже насилуешь, гром.

Тот презрительно скривился и возразил:

– Да я с этой дурочки пылинки сдуваю!

С его точки зрения, последние сутки он только и был занят тем, что носился с Нарю и решал её проблемы.

Дрангол пожал плечами и принялся перечислять, с каждым высказанным предложением придвигая чернильницу немножко ближе к себе:

– Ты сжёг её дом. Забрал её друзей в рабство. Позволил своим воинам насиловать её подруг. Держишь её здесь против её воли. Угрожаешь насилуем. Везёшь туда, куда она не хочет.

Кьерин скривился и отобрал у друга чернильницу: звук, с которым она ездил по столешнице, его нервировал.

– Что-то ты больно пылко её защищаешь! – подозрительно прищурился он.

Обычно между ними царил согласие взглядов, и ему было непривычно и досадно, что друг так настойчив в своих возражениях.

Опершись локтями на стол, Дрангол положил подбородок на переплетённые пальцы, взглянул на Кьерина прямо и открыто и возразил:

– Я не её, я тебя защищаю, гром. – И пояснил: – Это ведь ты только что заявил, что не хочешь её насиловать.

– Не хочу, – согласился Кьерин, брезгливо отодвигая в сторону чернильницу.

– Но именно это ты уже и делаешь, – невозмутимо продолжил гнуть свою линию Дрангол.

Лицо Кьерина перекосило. Ему было нечего возразить, но

ему совершенно, совершенно не нравилось, к чему вёл друг.

– И что я, по-твоему, должен делать?! – раздражённо спросил он, прекрасно зная, какой ответ услышит.

Дрангол, впрочем, не видел смысла произносить вещи столь очевидные, поэтому просто пожал плечами.

Кьерин вскочил и стал расхаживать по каюте из стороны в сторону, заложив руки за спину. Хмурое лицо его отражало нервную работу мысли. Спустя пять минут, остановившись рядом с другом, он навис над ним и холодно сообщил:

– Она привыкнет, успокоится и полюбит меня. Это просто вопрос времени.

Пожав плечами, Дрангол придвинул к себе чернильницу и принялся играть с крышкой. Эта игра создавала неприятные звяканья, которые так взбесили Кьерина, что он резким движением отобрал у друга чернильницу.

Та таких порывов не оценила; неплотно прикрытая крышечка улетела в неизвестном направлении, чернила радостно расплескались – на столешницу, на карту, на кафтан Дрангола и на руку Кьерина.

– Бездна!.. – выругался последний, зашвыривая несчастную чернильницу куда-то в угол каюты. Её воздушный путь отразился чередой чернильных лужиц на досках пола.

Достав носовой платок, Кьерин принялся истово тереть руку, в попытках смыть подтёки, но чернила въелись в кожу моментально и стираться не желали.

В сердцах бросив платок на стол, Кьерин пустился в по-

лемику, хотя и не получил никаких прямых возражений:

– Что теперь-то?.. Я не могу изменить уже сделанного. Остаётся только идти до конца.

Дрангол небрежно взмахнул рукой и уточнил:

– Если ты уже всё решил, то чего ты от неё-то хочешь?

Насупившись, Кьерин сел на своё место. Поднял было руку – то ли подпереть подбородок, то ли потереть лоб, – запнулся взглядом о чернильное пятно, выругался, спрятал руку под стол.

– Я хочу, чтобы она вела себя нормально! – хмуро высказался он.

Поведя плечами, Дрангол безразличным голосом отметил:

– Если я не ошибаюсь, ты уже достиг полного успеха на почве борьбы с её характером.

Кьерин нетерпеливо взмахнул чернильной рукой:

– Да нет же! – горячо возразил он. – Я как раз и хочу, чтобы она вела себя в соответствии со своим характером!

Смерив его скептическим взглядом, Дрангол любезным голосом начал выдавать новую позицию:

– Смотри, гром, – он взялся за компас, – есть свободные девушки, которые...

Лицо Кьерина стало настолько зверским, что Дрангол поспешил придвинуть компас к себе, чтобы его не постигла судьба чернильницы, и заткнулся.

С минуту стояло молчание.

– Но если я её отпущу, – жалобно воскликнул Кьерин, – она же уйдёт!

Дрангол развёл руками: мол, да, свободные девушки имеют привычку ходить, куда им вздумается, и едва ли стоит предполагать, что Нарн вздумается ходить за своим похитителем.

– Нет уж, – князь упрямо сложил руки на груди.

Правая – запачканная чернилами – оказалась сверху. Он поморщился и переложил руки так, чтобы левая легла сверху и закрыла собой пятно.

– Нет уж! – окрепнувшим голосом повторил князь и утвердил: – Она привыкнет, успокоится и полюбит.

– Или не привыкнет, – скучающим голосом поправил Дрангол, – попытается сбежать и умрёт.

И без того острый взгляд Кьерина стал совсем уж убийственным.

– Куда я её отпущу! – возмутился он. – Ты ж её видел! Совершенно наивная девчонка, притом красивая и без защитника! Её в любом городе быстро загребут!..

– Эрмин, – устало перебил его Дрангол. – Мне-то ты чего доказываешь?

Он имел в виду, что ему решительно всё равно, как друг решит поступать, и он так и так не планирует его отговаривать или убеждать.

Кьерин нахохлился и вытянул под столом ноги.

– Вот ещё! – буркнул он, наконец, вставая и несколько

истерично вынося вердикт: – Ну, значит, я насильник, пусть так!

– Пусть, – безразлично подтвердил Дрангол, возвращая компас на место.

От дверей Кьерин обернулся, открыл было рот, но так ничего не сказал и вышел.

– Вот, значит, как! – бурчал он себе под нос, обиженный на то, что из-за друга больше не мог воспринимать самого себя как благородного спасателя прекрасных девиц.

Это оказалось обстоятельством столь досадным, что в свою каюту он вернулся в самом скверном расположении духа.

Настроение его, и без того, отвратительное, ещё ухудшилось, когда он обнаружил там тупо сидящую на койке Нари. Лицо у той было самое безразличное и идиотское.

– Раздевайся! – с порога велел он, уверенный, что теперь всё вернётся на круги своя, и сейчас она даст ему блестящий отпор и выйдет, наконец, из этой набившей ему оскомину роли.

Но в следующую секунду позвоночник его закололи иголочки ужаса, потому что она, слова не сказав, встала и принялась копать в шнуровке своего платья.

Несколько секунд он тупо пялился на её дрожащие пальцы, которыми она всё никак не могла твёрдо ухватить нужный шнурок.

«Нет, бездна, ну нет же! – молил он про себя. – Ну давай,

ну скажи мне что-то злое, ну запульни в меня чем-то!»

Но она, ухватив, наконец, шнурок, принялась его распускать.

До этой минуты, что бы там ни говорил Дрангол, он не чувствовал себя насильником. Происходящее казалось ему будоражащей кровь игрой, где у него была роль покоряющего, а у Нары – сопротивляющейся. Ему доставляла огромное удовольствие эта игра, и он совершенно убедил себя, что и ей это нравится.

Он в два быстрых шага подошёл к ней и перехватил её руки за запястья.

Она безвольно застыла, глядя куда-то в район его шеи, и он теперь заметил, что лицо её закаменело в выражении горя.

У него дыхание перехватило от боли за неё, и больше всего ему хотелось теперь уберечь её от этой боли, защитить и уничтожить того, кто посмел ей эту боль принести.

Проблема была в том, что этим источником её боли был он сам.

– Прости... – пробормотал он, прижимая её к себе крепче и зарываясь лицом в её волосы. – Прости, пожалуйста!

Она молчала, не делая никаких попыток вырваться.

– Прости! – повторил он, судорожно вцепляясь в рукав её платья на плече и целуя её в висок. – Прости, прости, прости!.. – лихорадочно повторял он, беспорядочно покрывая поцелуями её лицо.

Она никак не реагировала, и он остановился только тогда,

когда почувствовал губами соль: она беззвучно плакала.

Отшатнувшись, от смерил её с головы до ног безумным взглядом, развернулся и выбежал.

Хлопнула дверь каюты.

Зажав рот ладонью, Нари опустилась на пол и заплакала.

Глава десятая

Следующие три дня прошли для Нары... тревожно.

Кьерина она больше не видела; сам он к ней не приходил, а выйти она побоялась. Хотя дверь не была заперта, она справедливо опасалась, что без его защиты с нею снаружи могут произойти самые неприятные вещи.

В самую каюту, во всяком случае, заходил только уже знакомый ей матрос с едой, и он не проявлял никакого желания как-то с ней общаться. Нары в этом отвечала ему полной взаимностью.

Первые несколько часов своего «затворничества» она провела как на иголках, постоянно ожидая возвращения разгневанного князя. Затем осмелела и стала исследовать каюту – поминутно прислушиваясь, не звучат ли за дверью шаги.

Ничего особо интересного ею обнаружено не было: одежда, книги на ньонском, записки на ньонском же и пара приборов.

К ночи князь не вернулся, и Нары, осмелев, попробовала заняться навигацией.

«В крайнем случае, выроню астроблюбу за борт и сделаю вид, что ничего такого не делала», – решила она.

С расчётами, впрочем, у неё не задалось. Она только видела со стороны, как пользовались астроблюбами другие – это было крайне любопытно. В её глазах это выглядело так:

человек смотрел на звезду, крутил какие-то элементы астролябии, потом записывал полученные данные.

Посмотреть на звезду и покрутить астролябию ей удалось; что и куда крутить было вроде интуитивно понятно (во всяком случае, Нари полагала, что покрутила то, что нужно, куда нужно). И даже какие-то данные она из этого получила – но что с ними делать дальше? Как из этой цифры получается представление о положении корабля?

У Нари не было ни навигационных таблиц, ни часов, ни карт. Она, правда, от отчаяния записала полученные данные, в надежде сравнить их с тем, что добудет, возможно, завтра, – но она очень сомневалась, что это ей поможет.

Действительно, вторая и третья ночи не прибавили ей понимания о местоположении корабля – данные получались одинаковые в любую из ночей. То ли она не то крутила, то ли нужны были ещё какие-то данные. Ею начало овладевать уныние.

К тому же, в каюте было совершенно нечем заняться, и упорное отсутствие князя стало навевать ей мысли о психологических пытках. Возможно, он хотел замучить её бездельем, чтобы она сама начала искать его общества? Или он планировал, что она высунет нос наружу, попадёт в лапы его матросов, а он явится спасателем и завоюет её благодарности? Нари не знала ответа, но предполагала что-то мерзкое и неприятное.

Про себя она постановила, что добровольно из каюты не

выйдет, и ничьего общества искать не будет.

На утро третьего дня Кьерин, наконец, заявился к ней са- молично. Она настолько отвыкла прислушиваться к шагам, что чуть не прозевала его появление, и лишь в последний момент успела принять свою деревянную безразличную по- зу.

Села она не слишком удачно; застывшего в дверях Кье- рина ей теперь приходилось рассматривать боковым зрени- ем, и ей было не совсем понятно, как расшифровать его хму- рое выражение лица. Краем глаза ей казалось, что он ужасно, ужасно зол. Видимо, всё-таки имел место какой-то коварный план, который она разрушила, не став выходить из каюты.

«Вот тебе!» – торжествующе подумала она, довольная, что её не удалось провести.

Спустя пять минут – если Кьерин и надеялся, что, устав от одиночества, она радостно бросится ему на шею, то его поджидало разочарование, – он, наконец, заговорил первым: – Иди сюда.

Голос его звучал устало и безвыразительно, как если бы все эти три дня он работал, не покладая рук.

Послушно встав, она подошла к нему, пытаясь из-под рес- ниц оценить, чем ей грозит его очередное появление – она, признаться, и от прошлого визита ещё не отошла, и предпо- чла бы, чтобы он продолжил свои игры с её одиночеством. В одиночестве она, по крайней мере, была в безопасности.

Он ещё с минуту разглядывал её вплотную, но она побоя-

лась поднять взгляд, поэтому не смогла расшифровать выражение. Однако с её позиций ей было прекрасно видно, как он судорожно вцепился пальцами правой руки в отворот своего кафтана. Это нервное машинальное движение не вселяло в неё оптимизма.

– Пойдём, – наконец, лаконично велел он, развернулся и вышел.

Она отправилась за ним. Происходящее всё меньше ей нравилось.

Выйдя на верхнюю палубу, она чуть не вскрикнула от удивления, обнаружив, что их корабль дрейфует на входе в какой-то порт.

«Но мы ведь не могли успеть добраться до Ньюна?!» – в ужасе подумала она, лихорадочно пересчитывая предполагаемые маршруты и расстояния. Нет, глупости, это же нужно было лететь по волнам с просто нереальной скоростью! Не могла же она не заметить, насколько быстро они идут!

Князь, меж тем, и не подумал размениваться на объяснения, а вместо того велел ей спускаться в шлюпку. Невозмутимо проигнорировав его протянутую ей в помощь руку – приказа хвататься-то не было! – она справилась со спуском сама.

Он мрачно поглядывал на неё всю дорогу до берега; она упрямо молчала.

На вёслах сидело двое матросов; Наря оценила свои шансы столкнуть князя в воду и утопить как нулевые.

Наконец, они достигли берега.

С удивлением Нарю услышала нийскую речь.

Великолепно, и что они забыли в нийском городе?!

Нарю не могла разгадать замысел князя, и от того чувствовала страх. Что он, морские демоны его дерите, подготовил ей на этот раз?!

Князь, опять и не подумав дать никаких объяснений, пешком отправился вперёд по одной из улочек. Он шёл, сутулясь и заложив руки за спину, и выглядел на редкость уныло.

Особенно Нарю настораживало, что он даже не оглядывается на неё – словно ему безразлично, идёт она за ним или нет. Впрочем, пытаться сбежать она всё равно не рискнула: двое матросов всё ещё были с ними. Города она не знала, и куда метнуться, чтобы спрятаться – тоже.

«Можно закричать и привлечь внимание людей», – предположила Нарю. Но она не была уверена, что кто-нибудь кинется ей на помощь; а вооружённых ньюнцев, в конце концов, было трое!

«Может, он рассчитывает, что я сама начну его расспрашивать?» – предположила Нарю.

Версия выглядела слабенькой, но другой у неё пока не было, и она тихо шла следом за ним, стараясь примечать всё, что попадалось по пути: а ну как всё же удастся дать дёру? Она была готова вцепиться обеими руками даже в самый ничтожный шанс!

Князь, меж тем, добрёл, куда хотел: точкой назначения

оказался миленький двухэтажный дом. Достав из кармана ключ, князь отпер дверь и зашёл внутрь; Нарина зашла вслед за ним; матросы остались снаружи.

Некоторое время они оба стояли друг напротив друга в просторной красивой гостиной с камином.

Всё так же ссутулившийся князь рассматривал её в упор усталыми тёмно-жёлтыми глазами, и под этим взглядом ей в который раз стало неуютно.

В голову её забрела страшная мысль: а что, если он притащил её сюда только потому, что ему по каким-то причинам не нравится насиловать на корабле? Ну там, личная каюта дорога как приют уединения. Или морская болезнь мешает.

Версия с морской болезнью показалась Нарине весьма жизнеспособной.

Во всяком случае, она многое объясняла.

Она осторожно взглянула в сторону противоположного от двери окна. Если матросы остались у входа, то у неё есть шанс...

Он перехватил её взгляд и мрачно усмехнулся.

– Даже не сомневался, – пробормотал он, затем подошёл к стоявшему у стены столу. – Ключи, – выложил он на них поименованный предмет, затем взял что-то со стола и потряс: – Документы. – Отложил папку и приподнял звякнувший мешочек: – Деньги. – Добавил задумчиво: – Естественно, никакой мести твоим людям.

Взял со стола какой-то клочок бумаги, подошёл к ней и

сунул в руки.

Нари машинально взяла и опустила глаза. По-нийски там был написан какой-то адрес и ньонское имя.

– На случай проблем, – сухо пояснил князь и тут же добавил настойчиво: – Любых проблем, Нар! – она невольно вскинула на него удивлённый взгляд – и вздрогнула.

И без того птичье лицо его теперь почему-то казалось особенно угловатым; мрачные тени легли под нижним веком, отчего глазницы казались запавшими, и жёлтые глаза блестели оттуда особенно страшно.

– И во имя Того Бога, в Которого ты веришь! – раздражённо заявил он, не открывая от неё этого страшного пронзительного взгляда. – Прости запихни свою гордость в морскую бездну и обратись по этому адресу, – он ткнул пальцем в бумажку, – если тебе что-то потребуется.

Она недоуменно моргнула, пытаясь обнаружить ловушку или подвох. Он ведь не может просто оставить её здесь? Наверно, сюда сейчас прибудет охрана? Может, он решил, что в Ньоне у него уже хватает наложниц, а вот в Ниии стоит поселить парочку, чтобы были под рукой, когда понадобятся?

Она замерла в ожидании условий, угроз или шантажа, но он только молча сверлил её взглядом.

Затем странным голосом, в котором ей даже послышались на миг какие-то просительные нотки – должно быть, из-за его певучего акцента! – сказал:

– Я не уйду, пока ты не пообещаешь, что обратишься за

помощью, когда она тебе понадобится.

Нари ещё раз взглянула на бумажку. Потом подняла на него недоверчивый злой взгляд и уточнила:

– И как мне за эту помощь потом придётся расплачиваться?!

Он прорычал что-то ньонское матерное, затем со злостью утвердил:

– Никак.

«Что за неслыханная щедрость!» – чуть не воскликнула язвительно она.

С полминуты они молчали.

– Нары, – наконец, скрипнул зубами он.

– Обещаю, – поспешно ответила она, в душе подумав, что не обратиться по этому адресу, даже если будет умирать в страшных муках.

Видимо, мысль эта нашла отражение в её взгляде, потому что он опять пробормотал что-то матерное.

– Идиотская женщина! – заключил он свой мат нийским возгласом и скорым шагом почти выбежал за двери.

Нари рванула к окну.

Он стремительно удалялся по той же улице, по которой пришёл. Оба матроса столь же быстро шли за ним.

Подскочив к двери, Нары закрыла её на засов. Заперла внутренний ставень окна, выходящего на ту же сторону. Подхватила у камина кочергу и обошла с ней весь дом: два этажа, чердак и погреб. Попутно закрыла на засов и заднюю дверь,

и все окна.

В доме никого не обнаружилось.

Снаружи тоже никто не ломился.

Нари зажгла свечу – теперь, когда все ставни были закрыты, в комнате стало ужасно темно – и подошла к столу.

Открыла папку с документами: там была купчая на дом на её имя.

«Я же не называла ему свою фамилию», – нахмурилась Нары и принялась листать дальше.

Рука её дрогнула, обнаружив паспорт; она была уверена, что её документы остались там, на острове. Дрожащими пальцами она развернула лист и уставилась на него в недоумении.

Это, совершенно точно, был свеженький документ, написанный буквально на днях. Однако содержал он в себе абсолютно достоверные данные.

Нари фыркнула и решила проверить ещё и кошелёк.

Обнаруженное в нём, совершенно точно, не могло быть правдой: должно быть, в свете свечи она плохо разглядела.

Поколебавшись, Нары открыла ставни окна, выходящего на задний двор, и поднесла кошелёк туда.

Нет, она всё разглядела правильно.

Другое дело, что бедная рыбачка с захолустного острова никогда такого количества денег не видела.

«О мой Бог, он сдаст меня властям, как воровку и подельщицу документов!» – в ужасе «разгадала» план князя

Нари, и поспешила припрятать деньги в погребе.

...только спустя две недели она всё-таки поверила в то, что никто по её душу не явится, и она действительно снова свободна.

Реалистично настроенному читателю, жаждущему жизненной достоверности, предлагается закрыть книгу на этом месте и самостоятельно продумать дальнейшую скучную и банальную судьбу Нары.

Читатели, которые ожидали любовной сказки, приглашаются к дальнейшему чтению.

Глава одиннадцатая

Больше всего на свете Нарі хотелось прихватить деньги и сбежать куда-нибудь далеко-далеко, где её точно не найдут никакие ньюнцы. Однако сперва её задержала попытка разузнать что-то о своих товарищах. Для этого она принялась отираться на портовом рынке, и вскоре ей удалось устроиться продавать рыбу: красивая улыбчивая девушка всё ещё была хорошим способом повысить продажи. Уже через месяц на рынке стали бродить сплетни о произошедшем, но узнать точных подробностей о конкретных людях Нарі не смогла, а самой возвращаться на родной остров ей было страшно: что, если там хозяйничают те страшные люди?

Решив, что на острове ей больше делать нечего, она снова испытала большое желание сбежать, но снова подавила его в себе: она надеялась в этом порту перехватить возвращающегося из плавания отца. Беда была в том, что она не знала ни времени его прибытия, ни названия корабля. В последний раз он отправился куда-то в Даркию, но она весьма смутно представляла себе его маршрут, поэтому было совершенно неясно, когда его ждать.

В этих колебаниях прошло ещё полгода: Нарі то отчаивалась и уже совсем было решала отправиться в бега, то набиралась мужества и полагала необходимым заехать на остров и оставить там весточку о себе, то, не имея сил принять ре-

шение, пускала всё на самотёк в надежде, что сумеет перехватить отца здесь.

Первое время она ужасно боялась, что по её душу вернуться ньонцы. Раз за разом она прокручивала в голове планы, как спастись. Логично было бы хотя бы продать тот дом, о котором Кьерин знал точно, и поискать другой, но Нари предположила, что он при желании легко найдёт её след: сумел же он так быстро восстановить её документы! Когда у тебя есть деньги и связи...

Переходить на нелегальное положение Нари боялась; да она и не представляла себе, как это сделать. Она и так постоянно терзалась мыслями о том, что её ограбят!

Отъезд в другой город в её глазах ничего ей не давал: человек, обладающий богатством и упорством Кьерина, отследил бы её перемещения без проблем, а она бы, вдобавок, потеряла шанс найти отца.

Можно было бы попытаться уехать в другую страну, но Нари не знала языков, и, опять же, не представляла, как решить дело с документами и не оставить следов.

Поэтому, как ни глупо это оказалось, она продолжила жить в том самом доме, который купил Кьерин. В конце концов, дом этот был и вправду хорош – гораздо лучше того, в каком она жила всю свою жизнь.

Не придумав ничего лучше, Нари решила дожидаться отца и уехать с ним. Желательно, куда-нибудь далеко-далеко, в Райанци, например. Главное – подальше от Ньона и его су-

масшедших князей.

Так она и жила кое-как: работала на рынке, чтобы быть в курсе всех новостей, расспрашивала команду каждого пристающего к порту корабля и...

Чувствовала глубокую, с каждой неделей всё более её затягивающую, тоску.

Её прежняя привычная жизнь была разрушена; она не имела связи ни с кем из старых знакомых. Она совершенно не знала, как жить теперь, и не испытывала никакого желания заводить новые знакомства. Замкнувшись в себе, она сосредоточилась на единственной цели – дождаться отца – и запрещала себе думать о том, что будет, если она так и не сможет его найти.

Жизнь её ковыляла вперёд кое-как, из дня в день, наполненная одними и теми же событиями. В этой однообразной бессмысленной рутине хорошо было только одно: воспоминания о пережитом ею сглаживались, отступали куда-то в глубины прошлого и начинали казаться выдуманным кошмаром. Оглядываясь назад, Нары теперь не могла поверить, что это она сигала с высокого порта в море, бегала по камням, дерзила пиратам... В её простой размеренной жизни не было места таким потрясениям, и ей всё меньше верилось, что всё это действительно с ней происходило.

Так прошёл год, и представляется вполне возможным, что Нары так и прижилась бы в этом городе, торговала бы до конца своих дней рыбой и вышла бы замуж за какого-нибудь

рыбака или моряка.

Однако однажды вечером, возвращаясь с рынка домой, она обнаружила у своих дверей знакомую угловатую фигуру с рыжей шевелюрой.

– О нет, только не вы! – эмоционально простонала она в небо.

«Так и знала, что он однажды припрётся!» – мелькнуло у неё в голове вопреки правде о том, что она, совершенно точно, не ожидала его, понадеялась, что он уже выкинул эту историю из головы, и даже причислила его к разряду примерещившихся ей выдумок.

– Мне казалось, не так уж я тебе и досаждаю, – раздражённо откликнулся Кьерин, который не то чтобы ожидал более теплого приёма, но всё же надеялся... Бог весть на что. Что она за год поостынет и заочно проникнется к нему добрыми чувствами?

– Вы мне ужасно досаждают, – не согласилась она и язвительно отметила: – Но вас, как всегда, это не интересует, ведь так?

В своей голове она уже размышляла, куда драпануть и как спрятаться, если незванный гость вернётся к своим наглým притязаниям на её свободу. Теперь-то город она знала отлично, и была уверена, что сумеет улизнуть!

Впрочем... она, прищурившись, оглядела окрестности и не обнаружила его сопровождающих. Они, конечно, могли припрятаться, но это казалось нелогичным.

– Я тут один, – верно расценив её взгляд, спокойно отметил он.

Она нарисовала на лице вопрос: мол, и чего припёрся, да ещё и в одиночку?

Он равнодушно пожал плечами и сухо заявил:

– Соскучился.

– Не могу сказать того же о себе, – не замедлила с ответом она, и тут же с удивлением обнаружила, что ответ этот был не совсем искренним.

Не то чтобы она скучала по его наглому обществу... по правде сказать, она и вообще о нём не вспоминала. Но всё же, всё же...

Логичной её реакцией в сложившемся положении должен был стать страх; но страха не было. Она давно уже устала его бояться, и поэтому перевела его в разряд «совсем не подлецов» и перестала ждать от него подвоха. Планировал бы что-то дурное – давно бы сделал. Глупо выжидать год, а потом являться осуществлять свои коварные планы.

«Впрочем, – пришла ей в голову догадка, – он, возможно, всё ещё носитя с идеей сделать меня своей наложницей, но теперь решил действовать более цивилизованно».

Выстроив версию, она совсем уж успокоилась. Не претупев силой и напором, князь решил сменить тактику и зайти с дипломатической стороны. Вон, как основательно подготовился! Отпустил на свободу, дом подарил, деньгами обеспечил, свалил в закат и не «досаждал», как сам он выразился,

а теперь явился с трагичной рожей и говорит, что скучал. Ну точно! Надеется её охмурить!

Нари сделалось весело. Роль наложницы её по-прежнему не манила, но поглядеть, как именно планирует охмурять её князь, было интересно.

«Тут, главное, вовремя сбежать, – напомнила самой себе она. – А то ещё вернётся к прежней тактике».

– Ну что ж, – решила она, – буду великодушной и, так и быть, напою вас чаем.

Он улыбнулся; на лице его читалось заметное облегчение: видимо, он не знал, как поступить, если она его прогонит.

«Ха, – мысленно потешалась над ним Нары, – купился, наглая рожа?»

Она пустила его в дом; князь был сама любезность, держался скромно, говорил вежливо и вызывал у Нары вопрос, не слишком ли часто в последний год его били по голове.

Согрев чаю и даже выставив вкуснейший малиновой пирог – для себя берегла, но ладно, так и быть, пусть тоже полакомится, – Нары решила осторожно перейти к допросу. В конце концов, князь был единственным доступным для неё источником достоверной информации о её товарищах.

С любезным выражением лица выслушав похвалы и чаю, и пирогу, и уюту в доме, и своему наряду, она прервала поток льющей из его уст патоки прямым вопросом:

– Так что там, вы говорите, с моими друзьями?

В их последнюю встречу она была слишком растеряна,

чтобы задавать вопросы, и всё это время мучилась мыслью, что нужно было вцепиться в него ещё тогда и вызнать все нюансы.

– Придерживаю десяток под рукой, чтобы, если что, использовать как рычаг давления на тебя, – насмешливо ответил князь.

Нари сняла с повестки дня вопрос, сильно ли его били по голове. Нет, прежний мерзавец, просто сверху лоск навёл!

Она смерила его возмущённым взглядом и демонстративно примерилась к ножу, которым резала пирог.

Он посмотрел на нож в её руке с живым любопытством и уточнил:

– А что, ты уже научилась им пользоваться?

– Научилась, – буркнула она, хотя на самом деле её навыки владения ножом ничуть не улучшились с их прошлой встречи.

Он тихо рассмеялся, догадавшись, что она соврала, но перестал испытывать её терпение и принялся рассказывать:

– В самом деле, часть твоих товарищей просто согласилась перейти под мою руку, и сейчас прекрасно живут в моих ньонских владениях, – лицо Нары чуть прояснилось, – ещё часть, – продолжил князь, – предпочла осесть в Ниии, но, если не ошибаюсь, – он невозмутимо откусил пирог, – не было никого, кто изъявил бы желание вернуться на тот остров. Так что, видимо, я всё-таки его захватил, – покивал он сам себе, словно кто-то оспаривал его притязания.

«Ну ладно, живи тогда», – отказалась от кровожадных мыслей Нары, прибавив князю сразу десяток очков симпатии, как человеку, который, на совершив ошибок, во всяком случае, имеет мужество их признать и попытаться исправить хотя бы частично.

«Может, он и вообще нормальный?» – мелькнула у неё в голове внезапная мысль, но потом она припомнила, что её, видимо, предполагают охмурять, так что вполне естественно, что князь пытается показать себя с лучших сторон, и не стоит совсем уж обольщаться. Ещё неизвестно, как он отреагирует, когда она снова его пошлёт.

Глава двенадцатая

Князь попивал чай и выглядел непривычно мирно. Или, возможно, дело было в том, что Нары смотрела на него сейчас другими глазами и причисляла к условно безобидным – во всяком случае, в настоящий момент. Когда она его пошлёт, естественно, безобидным он быть перестанет, поэтому нужно как-то заранее позаботиться о том, чтобы на момент посылы они находились в людном месте.

«Не будет же он меня сразу в лоб в наложницы звать, – логично предположила она. – Сперва же охмурить надо!»

В ней снова заиграло живое любопытство. Пока что окружавшие её мужчины не радовали её творческим подходом к процессу охмурения: попытки обжиманий, приглашения испить вместе чего-нибудь алкогольного и прочие прелести рыбацких фантазий. От князя с его налётом великосветского воспитания она ожидала некоторой изысканности.

Гость не разочаровал. Допив чай, достал из кармана тонкую деревянную коробочку с богатой декоративной резьбой и заявил:

– Я так-то к тебе с подарком.

Было ужасно любопытно, но Нары стало интересно повредничать. Наличие заранее подготовленного и явно дорогого подарка подтверждало версию с тщательно продуманным охмурением, так что мысль о том, что над князем мож-

но чуточку поиздеваться – куда он теперь денется? – оказалась слишком соблазнительной.

Изящно приподняв брови, Нари дерзко стрельнула глазами:

– А кто вам сказал, что я от вас соглашусь подарки принимать? – поддела она.

Князя аж перекосило от возмущения; должно быть, не ожидал, что его продуманная атака столкнётся с таким неожиданным препятствием.

Нари мило похлопала ресничками.

– Чайку попили? – уточнила она и сладко пропела: – Ну и будет с вас! Не буду врать, что было приятно повидаться, – она демонстративно откусила кусочек пирога, тщательно разжевала, проглотила, и только потом, «спохватившись», удивлённо предложила: – Вам напомнить, где выход?

Князь моргал так растерянно, что ей даже сделалось его немного жалко. Должно быть, он посчитал, что, раз его пустили в дом, то контакт налажен, и дальше дело будет двигаться по накатанной. «Ну-ну, мечтай!» – язвительно подумала она.

Меж тем, князь справился с растерянностью. Лицо его застыло в хищном упрямом выражении, и Нари поняла, что, кажется, переборщила, и его пора переводить из условно безопасных обратно в весьма опасные типы.

Это соображение отозвалось в её душе разочарованием, и даже горечью, что немало её удивило. Увы, она вынужде-

на была признать, что надеялась всё же обнаружить в князе цивилизованного человека, и её весьма огорчило, что вежливость его была лишь вынужденной маской.

Нари непринуждённым жестом слегка передвинула свой стул, чтобы в случае чего ей было удобнее вскочить. Однако, как и всегда, манёвр этот не прошёл мимо его внимания. Остро и пронзительно взглянув на неё, он раздражённо спросил:

– И что ещё я должен сделать, чтобы ты, наконец, перестала меня бояться, Нары?

«Да-да, так я и поверила!» – мысленно покивала сама себе она, но вслух произнесла только:

– Если вы действительно хотите, чтобы я перестала вас бояться, то будьте так любезны встать, удалиться и более меня не беспокоить.

Лицо его совершенно застыло.

Нари ожидала вспышки; но секунды текли, текли, а его челюсти так и оставались сжатыми – настолько сжатыми, что она испугалась за его зубы.

Прошла почти минута.

Потом он встал, забрал свою коробочку, сухо ответил:

– Как изволишь, – и, развернувшись, отправился на выход.

Нари от потрясения чуть не подавилась чаем.

«Вернётся со своими людьми и выкрадет!» – впрочем, тут же нашла объяснение его поступку она, поэтому поспешила

попытаться вырулить на более безопасное поле.

– Подарок можно было бы и оставить!.. – капризно протянула она.

Спина его дрогнула; он медленно развернулся. Сложив руки на груди, смерил её насмешливым взглядом и невинным тоном высказал:

– А может, я уже передумал его дарить?

Ей с трудом удалось подавить смешок. Кажется, не она одна тут любит повредничать.

– Вы не можете быть так жестоки, – поддразнила его она. – Я же теперь умру от любопытства!

Ей и в самом деле было ужасно любопытно, что он там такого выдумал, чтобы её впечатлить.

Черты его хмурого напряжённого лица разгладились; губы тронула нежная сентиментальная улыбка, которая почему-то показалась Нари весьма знакомой – хотя она, хоть убей, не могла припомнить, улыбался ли он так ей раньше.

Он энергичным шагом вернулся к столу, встал рядом с нею и лукаво высказал:

– Подарю, если пообещаешь исполнить одно моё желание.

Пальцы Нари крепко сжались на ручке чайной чашки; весёлое настроение вмиг её покинуло, и она отвела глаза, предчувствуя, что неприятностей ей всё же не избежать, как бы она ни старалась из них выкрутиться.

Сверху тяжело вздохнули.

– Нари, – раздался тоскливый голос князя, – по-твоему,

я действительно отложил собственные планы и явился сюда только для того, чтобы обманом выпытывать из тебя какие-то дурацкие обещания?

Звучало разумно.

В конце концов, она всегда может взять свои слова назад. Попытайся, во всяком случае.

– Обещаю, – сверкнула она на него непокорными глазами.

Он хмыкнул, вытащил свою коробочку и отдал ей.

Нари восхищённо провела пальцами по резьбе – тонкая работа, такая шкатулочка и сама по себе является ценным подарком, – потом открыла.

Внутри лежали изумительные золотые серёжки в форме солнечных дисков. Солнечные лучики были украшена на концах огранёнными прозрачными камнями, которые, преломляя свет, словно сами сияли изнутри.

Нари восхищённо ахнула; такой красоты она отродясь не видела. Занятая любованием, она не заметила, как прояснилось лицо князя, как засветилась на его губах довольная улыбка.

– Но откуда вы?.. – невольно вырвался у неё радостный и благодарный взгляд в его сторону. – Я же не!..

Она пыталась сказать, что в день набега на её остров на ней не было серёжек, поэтому как он смог узнать, что она обожает носить именно этот вид украшений.

– Я видел твои уши достаточно близко, – напомнил князь, от которого, и впрямь, не укрылось, что уши у неё были про-

КОЛОТЫ.

Он долго раздумывал над лучшим подарком для неё, поэтому теперь был крайне доволен, что угадал.

Припомнив обстоятельства, в которых он имел возможность поразглядывать её уши пристально, она нахмурилась. Сообразила, что её тут охмуряют, вообще-то. А она! Она ведётся, как наивная овечка!

Строго поджав губы, она с резким щелчком закрыла корбочку и чопорно произнесла:

– Я не могу принять столь дорогой подарок.

Произносить эти слова было почти что больно: серьги ей и впрямь безумно понравились. Ей отчаянно хотелось хотя бы померить их – потому что носить такую роскошь на портовой рынок, точно, не стоило. Однако мысль о том, что князь пытается купить её согласие дорогими подарками, была слишком горькой и унижительной, поэтому она лишь задрала гордо подбородок и взглянула на досужего соблазнителя весьма твёрдо.

Князь ошарашенно перехватил ртом воздух, возмущённо взмахнул руками, кажется, даже слегка подпрыгнул при этом, а потом обиженно воскликнул:

– Ну уж не дороже дома!

Нари досадливо скривилась, припомнив, что, вообще-то, он и впрямь уже потратил на неё немерено денег. Она, впрочем, полагала это справедливой компенсацией – в конце концов, это он лишил её дома, так что ему и восполнять! А что

дом оказался так хорош, так это его собственный выбор был, она его об этом не просила!

Однако теперь, в виду плана с охмурением, подаренный дом стал видеться ей в совсем ином свете: как некий аванс, принимая который, она соглашается и на его покровительство, и на следующую из этого роль его любовницы.

Вскочив, она придвинула к нему несчастную коробочку и зло прошипела прямо ему в лицо:

– Всё верну, до последнего грошика!

Он растерянно заморгал.

Рассерженная Нари, меж тем, полезла в шкаф в поисках купчей.

– Сколько вы за него отдали?! – гневно спросила она и утвердила: – Всё верну, всё!

Купчая упорно не находилась, и она, раздражаясь всё больше, принялась вытряхивать предметы из шкафа на пол.

– Нари! – прервал её строгий и недовольный окрик.

Она обернулась.

Он так и продолжал стоять у стола, растерянно потирая лоб.

– Будь так любезна растолковать бестолковому мне, – язвительным тоном попросил он, – по какому поводу ты устраиваешь столь показательную истерику?

Она гневно фыркнула. Он что же, думает, она постесняется назвать вещи своими именами?

Вернувшись к столу, она встала против него и уверенно

заявила:

– Я не стану вашей наложницей! – позабыв о том, что планировала произнести этот решительный отказ в людном месте, чтобы точно не нарваться на последствия его негативной реакции.

Однако он, вместо того, чтобы гневаться, посмотрел на неё как на круглую дуру и уточнил:

– Так я и не предлагал.

Этот неожиданный пассаж выбил почву у неё из-под ног, поскольку она совершенно перестала понимать, что тогда ему нужно.

Тяжело опершись на стол, она растерянно и жалобно переспросила:

– Но зачем же вы тогда явились?..

Вселенная, видимо, решила окончательно добить её, потому что он смущённо замялся.

Он. Смущённо! Замялся!..

Пресвятая Дева Мария, да он даже покраснел!

Нари была совершенно, непоколебимо, железно уверена, что краснеть Кьерин не умеет вовсе. Ей даже хотелось протереть глаза: вдруг это они её обманывают?

Он, впрочем, довольно быстро овладел собой, распрямил плечи и декларировал:

– Я хотел бы за тобой ухаживать, если ты позволишь.

Нари жалко заморгала: ну, она же так и сказала! Намерен охмурять, чтобы она сама согласилась стать его наложницей!

– Чтобы сделать предложение, – продолжил объясняться Кьерин.

Понимания, впрочем, он не достиг, потому что Нари всё ещё рассматривала его слова в контексте «предложение стать его наложницей».

Хмуро поразглядывав её и осознав, что выразиться придётся максимально прямо, он набрал в грудь воздуха, как перед прыжком в море, и высказал:

– Предложение стать моей женой, Нари.

С таким трудом давшиеся ему слова, впрочем, не произвели на неё никакого впечатления.

– Ну, знаете ли! – обиженно протянула она. – Могли бы придумать что-то более правдоподобное! – и разочарованно отвернулась к окну.

Её реакция кольнула его в самое сердце; он целый год мучился, колебался, ярился, пытался выкинуть её из головы, в конце концов, сдался и решился попытать счастья – а она, видите ли, мало того, что не оценила глубины его переживаний, так и вообще не поверила в них!

Это неверие резануло его мучительно.

– Я совершенно серьёзен! – обиженно воскликнул он.

Она обернулась, смерила его скептическим взглядом и горько произнесла:

– Да что ты говоришь, жутко знатный и безмерно богатый глава славнейшего рода Кьеринов? Жениться на простой рыбачке? Ты меня за совсем уж скорбную умом дурочку дер-

жишь?

Ей было ужасно, глубоко, бесконечно обидно, что из всех способов её охмурить он выбрал такой подлый и гадкий: кормить её обещанием жениться на ней. Когда-нибудь потом. Позже. Обязательно. Вот как только – так сразу.

Он гордо выпрямился и холодно заявил:

– Это в вашей просвещённой Ниини принцам запрещено жениться на рыбаках. В нашем варварском Ньоне, – язвительно выговорил он, – княгиней рода Кьеринов станет та женщина, которую на эту роль выберу я. И никто, никогда не посмеет и слова сказать против моего выбора, – в голосе его отчётливо звучали раскаты сдерживаемого гнева, как будто какой-то самоуверенный нахал уже пытался оспорить его право жениться на Нарии, и он уже раздумывал, каким именно образом этого нахала казнить.

Нария раздосадовано фыркнула. Она ровным счётом ничего не понимала в брачных обычаях ньонцев, поэтому не могла опровергнуть только что выдвинутую аргументацию.

– В любом случае, – упрямо возразила она, решив отложить разбор деталей на потом, – выходить за тебя замуж я тоже не планирую, грозовой наглец, – припомнила она его прозвище, разумеется, переиначив его на свой лад.

Он, что ли, в самом деле вообразил, что стоит ему предложить ей брак – как она стечёт покорной лужицей к его ногам? Дудки! Знает она этих ньонцев! Там что наложница, что жена! Разница не так уж и велика.

Недовольно рыкнув, он смерил её грозovým мрачным взглядом.

– Идиотская женщина! – вынес вердикт он и рванул к выходу. – Исчадие бездны! – обозвал от дверей, выбежал наружу и уже в окно добавил: – Ты мне желание обеща́ла, психованная!

– Ну-ну, мечтай, – буркнула ему вслед Нари, зачарованно разглядывая оставленную на столе шкатулку с серёжками.

«Я просто их померяю, он и не узнает!» – уговорила она саму себя и понеслась к зеркалу.

Глава тринадцатая

Нари, подбрасывая в ладошке монеты, весело смеялась. Лицо её озарялось солнечными лучами, скачущие светлые блики путались в золотых волосах, выглядывающих из-за скромной косынки, а прибрежный ветерок задирает тонкий белый воротничок, опрокидывая его на шею. Она, продолжая смеяться, разгладила лёгкую ткань – мелькнуло нежное запястье.

Она что-то начала говорить, быстро, радостно; покупатель – досужий верзила в матросском костюме – разулыбался, словно невзначай заиграл мускулами.

Наблюдавший издали эту картину Кьерин скрипнул зубами. Детине хотелось вмазать: как он смеет смотреть на Нарю таким недвусмысленным взглядом? Ещё и она явно поощряет этого болвана! И чем он ей приглянулся!

...наконец, болван ушёл, пару раз оглянувшись и получив от Нарю воздушный поцелуй. Довольная девушка облокотилась на прилавок и принялась живо поглядывать по сторонам в поисках потенциальных покупателей.

Кьерин наблюдал за нею уже полчаса, и больше всего ему хотелось подойти – хотя бы под предлогом покупки рыбы.

У Нарю, впрочем, и без него хватало покупателей. Вот, выхватив глазами в толпе очередную жертву, она воскликнула: – Добрый господин, вы посмотрите, какая у меня форель

свежая! – и расслаилась яркой радостной улыбкой.

Улыбка сработала – к досаде Кьерина, она почти всегда срабатывала, – и к её прилавку подошёл новый покупатель, добротнo одетый и основательный, видимо, из купцов.

Нари живо и весело расхваливала ему свой товар; предполагаемый купец привередничал и то и дело норовил уйти; завязались, видимо, горячие торги, в ходе которых девушка выскочила из-за прилавка и начала размахивать руками, что-то страстно и пылко объясняя. Растерявший солидность господин в ответ горячился и доказывал что-то с не меньшим пылом.

Наконец, форель была продана.

Несговорчивый покупатель с добродушной ухмылкой сказал что-то явно ироничное – Нарн прыснула от смеха – и поцеловал ей руку. Она с любезным выражением лица тоже что-то сказала; потом они поулыбались друг другу без слов, и покупатель отошёл.

Кьерину опять ужасно захотелось подойти; но он себе этого не позволил. Он не хотел, чтобы дело выглядело так, будто он следит за ней или тем более её преследует!

«Я просто посмотрю немного, она и не узнает!» – объяснил он себе, словно оправдываясь.

Наблюдать за Нарн было и сладко, и горько одновременно. С одной стороны, он упивался этой возможностью видеть её, осознавать, что она реально существует, что она живая, настоящая, что она двигается, говорит, дышит, улыбается, сме-

ётся! Он, кажется, часами мог бы так и стоять тут и смотреть, как она продаёт рыбу, и ему это ни капельки бы не надоело.

С другой стороны – она была так добра и любезна со всеми, с каждым случайным прохожим, с покупателями, с другими торговцами!

Но не с ним.

От обиды он хмурился всё сильнее. Что-то подсказывало ему, что даже если он просто подойдёт к ней купить рыбы – как это делают все вокруг! – с ним она любезна не будет.

Нет, он, конечно, осознавал, что у неё есть все причины относиться к нему с опасением и недовольством. Но, в конце концов, она бы уже могла и простить его! Он, понимаете ли, целый год мучился, мечтая увидеть её вновь, а она, она даже не оценила его терзаний!

Уйдя в свои досадливые мысли, Кьерин совершенно упустил тот момент, когда был замечен. Он разумно встал так, чтобы Нарю было сложно его углядеть – но Нарю была не единственным торговцем на рынке. Один из её соседей заметил, что какой-то хмурый парень долго и упорно пялится на его товарку; перегнувшись через свой прилавок, сосед обратил её внимание на этот тревожный факт.

Оглянувшись и обнаружив набившую ей оскомину физиономию, Нарю пробормотала: «Боже, опять он!» – и отмахнулся от соседа успокаивающим: «Ужасно навязчивый поклонник». Сосед понятливо покивал: у Нарю таковые появлялись регулярно, и девушка вполне справлялась с тем, что-

бы отваживать их самостоятельно.

Вернувшись к торговле, Нарю краем глаза стала наблюдать за досужим гостем. Тот как в землю врос, и это начинало её всерьёз раздражать. Раз явился – так что не подходит? Раз не планировал подходить – чего явился?

Наконец, осознав, что он намерен и дальше изображать столб, она быстро договорилась с соседом, оставила свой прилавок на него и решительно направилась к князю.

Тот, оказавшись столь неожиданно для себя обнаруженным, даже подумал было о том, чтобы поспешно отступить; но это выглядело бы совсем уж нелепо, поэтому он просто застыл, пытаясь придумать, как бы теперь аккуратно выкрутиться из неудобной ситуации.

Наря, меж тем, подойдя к нему почти вплотную, приподняла брови и язвительно спросила:

– Сиятельный князь изволит желать свежей рыбки?

Кьерин ничего не ответил: залюбовался её воинственно сверкающими светлыми глазами.

Осознав, что ответа ждать не приходится, Наря досадливо вздохнула, небрежным повседневным жестом подхватила князя под руку и настойчиво повела с рынка вон: подальше от глаз прекрасно знакомых ей сплетников, которых хлебом не корми, дай выдумать басни о её поклонниках.

Кьерин послушно шёл, куда она его вела. Хотя ему было стыдно и неловко, что она обнаружила его присутствие, к чувствам этим примешалась радость от того, что она теперь

рядом, что она сама к нему прикоснулась, что они всё-таки побудут теперь немного вместе.

Оттащив князя в ближайший переулочек, она повернулась к нему и обнаружила, что он улыбается весьма глупо и влюблённо.

С досадой она отдернула от него свою руку; он не удерживал, но улыбка на его губах тут же поблекла.

«Ну ты мне ещё тут влюблённого поизображай!» – раздражилась Нарина весьма сильно, особенно же от того, что ей и впрямь было бы весьма приятно, если бы этот наглый индюк теперь в неё влюбился.

– Прости, – неожиданно повинулся он, – я не думал, что ты меня заметишь.

Нарина смерила его гневным взглядом: мол, серьёзно? Ты серьёзно считаешь нормальным тайком наблюдать за девушками, оправдывая такое поведение мыслью «она же не заметит!»?

– Эрмин! – простонала она в небо, поражаясь его незамутнённости, а потом быстро предложила: – А давай ты просто уже оставишь меня в покое, а? Серьёзно! – она воодушевлённо принялась заверять: – Ты действительно произвёл на меня впечатление. Поражена в самое сердце твоим благородством, – она решила, что лёгкое лукавство тут будет как никогда уместным. – Готова даже признать, что ты действительно не наглец, а храбрец! – приложила руку к сердцу она, и заключила: – Поэтому давай мы остановимся на том бла-

гоприятном впечатлении, которое ты оставил, и разойдёмся каждый при своём?

Её проникновенный монолог явно не нашёл у него желаемого отклика.

Сложив руки на груди, он смерил её взглядом холодным и пронзительным, после чего самым трагичным из возможных тоном уведомил:

– Я люблю тебя, Нар.

Она всплеснула руками.

– Ты не можешь меня любить! – возмущённо возразила она, пылая искренним негодованием, после чего даже сделала шаг к нему и обличила: – Ты меня совершенно не знаешь!

Губы его дрогнули улыбкой.

– Я знаю женщину, – спокойно парировал он, – которая, не умея сражаться, была готова с ножом в руках отстаивать собственную свободу, и не дрогнула даже тогда, когда столкнулась с толпой вооружённых мужчин, – она покраснела, вспомнив тот случай, но он ещё только начал: – Я знаю женщину, которая, попав в плен к захватчику, ринулась в море, не боясь ни высоты, ни волн, ни боли, ни холода. Я не уверен, Нар, – проникновенно отметил он, прожигая её светящимися чувством жёлтыми глазами, – что, оказавшись в подобном положении, я бы решился на такой шаг.

Досадливо фыркнув, она отступила от него на шаг, потому что ей сделалось неуютно под его сверкающим, как молния

в грозу, взглядом.

– Я знаю женщину, – тихо продолжил он, – которая до последнего искала способ спастись, которая даже с израненными в кровь ногами была готова ухватиться за любой шанс, лишь бы сбежать.

Он сделал шаг к ней, и она ещё отступила. Щёки её заалели; она припомнила, как он нёс её на руках и как потом занимался её ранами.

– Я знаю женщину, – он продолжал гипнотизировать её и взглядом, и проникновенным глубоким голосом, – которая, не смирившись, была готова скорее умереть в волнах открытого моря, чем покориться захватчику.

– А ты чего ждал!.. – согласилась она, опять отступая.

Он опять подошёл.

– Я знаю женщину, – не унимался он, – которая на каждую мою попытку надавить на неё или сломать заставляла меня почувствовать, что я, прибегая к таким методам, становлюсь жалок. Женщину, – ещё шаг, и она почти вжалась в перила чьего-то крыльца, – которая всякий раз, проигрывая мне, заставляла меня осознать, что это я проиграл, поступая так, как поступил.

– Боже мой! – наконец, не выдержала она, поскольку отступать дальше было некуда. – Тебе обязательно портить всё впечатление от твоих проникновенных речей этим бесцеремонным вторжением в моё личное пространство?

Он медленно моргнул. Несколько секунд до него доходи-

ло, что он, машинально пытаясь приблизиться к ней, совсем загнал её в угол.

– Прощу прощения, – неловко повинился он, опуская глаза и делая несколько шагов в сторону от неё.

Она невольно рассмеялась, осознав, что он не имел намерения на неё давить, но его привычная властная манера вырвалась из него непроизвольно, и он теперь сам недоволен тем, что не сумел это отследить.

Хмурое лицо его чуть расслабилось, словно её смех коснулся его и разгладил недовольные черты.

Нари была вынуждена признать, что его план по её охмурению оказался на диво хорош, и ей не удалось остаться равнодушной к его пылкости.

– Ладно, ладно! – снова рассмеялась она, капитулируя. – Убедил, можешь пригласить меня на свидание!

Впрочем, выражение торжества, мгновенно озарившее его лицо, тут же вызвало в ней протест, и она вредным голосом добавила:

– Только свидание, Эрмин! Ни на что большее я не соглашалась!

Он отыграл мимикой смирение – дрожащие в преддверии улыбки уголки его губ, впрочем, выдавали его чувства, – и досадливо фыркнул:

– Да я и не сомневался!

Ей сделалось весело. В душе заиграли незнакомые солнечные зайчики радостного предвкушения: почему-то она была

совершенно уверена, что свидание с ним окажется куда как более приятным, чем обычно бывают её встречи с мужчинами.

Глава четырнадцатая

Свидание им, определённо, удалось.

И второе свидание – тоже.

И пятое. И...

Нари сперва всякий раз себе говорила, что это уж точно-точно последнее. По её разумению, между ними всё равно ничего не могло быть, что бы там сам князь не выдумывал о якобы возможном браке. Какой, помилуй Боже, брак! Они из разных миров! Не говоря уж о том, что Нары, конечно, прибавила ему очков симпатии за умение признавать свои ошибки и пытаться их исправить, но факт возглавляемого им пиратского набега на её остров никто не отменял, вообще-то!

Она могла быть с ним любезной – почему нет, в конце концов, он вроде и впрямь сожалел! Она могла признать, что он интересный собеседник и что проводить с ним время оказалось приятно. Но брак! Глупости, невысказанные глупости!

Однако князь, не желая слушать никаких её возражений, упрямо и настойчиво продолжал гнуть свою линию.

Сперва Нары пыталась отбиться своей необразованностью – как бы он смог взять её в жёны, если она совершенно не способна справляться с обязанностями, которые это звание налагает!

Спокойно и сухо князь объяснил, что она вольна всё своё

время проводить в любом из его поместий, что светская жизнь для дам в Ньоне всё равно не предусмотрена, что она, однако, если захочет, может свести знакомство с другими дамами – а может и не сводить, и что, в любом случае, он не предусматривал для неё вообще никаких обязанностей.

Фыркая и раздражаясь, что её главный козырь отбит, Нарина зашла с другого аргумента: что гордость её никогда не потерпит никаких его наложниц, а он, как и положено отважному ньонскому князю, не создан для верности одной женщине...

Князь даже выслушивать это до конца не стал, и тут же торжественно поклялся, что она навсегда останется единственной для него женщиной.

Нарина в грош не ставила громкие клятвы подобного рода, но здесь и сейчас возразить было нечего.

На попытку заикнуться о различиях в вере Кьерин тут же выразил готовность незамедлительно покреститься и обвенчаться с нею.

Это её совсем уж в край обескуражило, но она не сдалась: припомнила, что она тут, вообще-то, отца дожидается, и не может никуда уезжать, тем более, замуж!

Князь заверил, что просто отправит своих людей на розыски.

Закатив глаза, она отказалась признать поражение, и принялась вдохновенно вещать, что такому просвещённому и многомудрому человеку, как он, скоро наскучит столь ограниченная и глупая девушка, как она...

Посмотрев на неё, как на идиотку, но всё же не высказав этого вслух, князь пообещал ей любых учителей. На попытку соскочить с темы заявлением, что ей будет скучно, он тут же предложил в учителя самого себя.

Восьмое их свидание прошло в тщетных попытках Нари доказать, что ей совсем, совсем не интересно то, что он рассказывает, что она совершенно безнадежна в плане учёбы, что её ограниченные и тупые мозги просто не способны осознать занимающих его высоких материй...

Увы, князь то ли сам по себе был хорошим педагогом, то ли так расстарался для неё, но она, раз за разом увлекаясь, нечаянно обнаруживала перед ним, что ум у неё весьма быстр, а новые знания вызывают в ней горячий интерес.

На девятом свидании – где она принялась страстно доказывать, что брак их обречён на неудачу, потому что она непременно влюбится в Дрангола и разобьёт ему сердце, – он смерил её усталым взглядом и попросил перестать уже выдумывать совершенно бредовые причины.

– В богатстве твоей фантазии я несколько не сомневаюсь, – сдержанно отметил он и предложил: – Давай ты уже просто скажешь настоящую причину, Нари?

Та досадливо поморщилась. Настоящая причина заключалась в том, что теперь ей казалось бесконечно унижительным отказаться от всех своих гордых заверений в том, что она никогда не станет его. Из упрямства и гордости она хотела теперь сохранить верность тем давно высказанным сло-

вам – и ей было горько признать, что она успела им увлечься, и даже – Господи, помилуй! – начать им дорожить.

К тому же, она находила и саму ситуацию абсурдной. Какая девушка её положения не потеряла бы голову, если бы за ней начал так настойчиво и красиво ухаживать такой богатый и знатный человек! Нарі, определённо, не хотелось быть, как все девушки. Чем сильнее ей нравился князь – а с каждым свиданием он нравился ей чуть больше – тем сильнее была этим обстоятельством задета её гордость. Мол, и она такая же, как все! Готова всё простить мужчине просто потому, что он князь!

Тьфу три раза, и четыре сверху!

«Ну уж нет, я на это не куплюсь!» – гордо решила она внутри себя. Князя пора было отшивать окончательно! И найти такую причину, чтобы ему точно было нечего сказать!

Такая у Нарі, разумеется, была.

– Я тебе сразу сказала эту причину, – дрогнув голосом, отвела она глаза. – Я просто не хочу за тебя замуж.

Ей было неприятно лгать, потому что сама она определённо чувствовала, что замуж за него ей очень даже хочется. Это обстоятельство было ей особенно неприятно; ей бы хотелось, чтобы это он влюбился в неё по уши, а она бы гордо его отвергла, и он бы страдал! Вот была бы настоящая месть!

Обозлившись на саму себя, она бросилась на него взгляд, выражающий эту озлобленность, и едко поддела:

– Но тебе же, как всегда, мои желания безразличны, Эр-

мин?

Лицо его застыло. Ей сделалось гадко и досадно, потому что он только и делал, что демонстрировал подчёркнутое уважение к её желаниям, и припоминать ему теперь то, что было в начале их знакомства, казалось ей невеликодушным.

Он, заложив руки за спину, вперил в неё взгляд пронзительный и острый. Ей стало и совсем уж не по себе. Припомнилось, что, вообще-то, ему могут надоест все эти дипломатические игры, и он может в любой момент просто увезти её в Ньон силой – а там уж хоть в наложницы, хоть в жёны, её никто спрашивать не будет.

Заметив мелькнувший в её взгляде страх, он с мученическим видом возвёл глаза к небу. Он честно пытался сделать всё, чтобы убедить её в том, что он всегда будет относиться к ней с уважением и деликатностью, – но она упорно не желала ему верить.

«Потому что люди, которые не насилуют женщин, – не грабят острова», – язвительно напомнил ему внутренний голос интонациями Дрангола.

Ему было досадно и горько, что она так и не простила его. Он совершил ошибку, непоправимую, но сумел осознать её и попытаться исправить хоть что-то – но этого оказалось для неё недостаточно.

Это было тем горше, что он понимал, сколь многим обязан Нарю. Если бы он не столкнулся с нею в первый же свой набег – сколько ещё островов он успел бы разграбить, сколь-

ко смертей и насилия принести, прежде чем до него бы дошло, прежде чем он бы остановился? Могли уйти месяцы и даже годы, и груз на его совести стал бы и вовсе неподъёмным.

Тогда, год назад, Кьерин не смотрел на это дело всерьёз. В Ньоне пиратский набег считался поступком доблестным, им хвалились, он отмечался воинской татуировкой. Да, ему бы стоило задуматься хотя бы над тем, что на руках его отца именно такой татуировки и не было ни одной – но он не придал этому значения. Возглавив род, он хотел всем доказать собственную доблесть, и полагал, что поступает мужественно и героически.

Нари открыла ему глаза на то, что разграбленные острова и насилие – это совсем даже не подвиг, а прямо наоборот. Нар и Скала – непоколебимого Скалу тоже было сложно сбить с его собственных пониманий о хорошем и дурном.

Но Нар не желала увидеть, что он всё понял. И он уже не знал, как ещё ей это доказать. Ему казалось, что он перепробовал уже всё – но она оставалась глуха к любым его попыткам завоевать её доверие.

От горечи и безнадёжной тоски он пробормотал:

– Ну да, чего ещё ожидать от человека, который грабит острова... – имея этим в виду, что он уже никогда не сможет доказать ей, что он не причинит ей вреда.

Он развернулся и пошёл по побережью прочь, не видя смысла унижаться и объясняться.

Она, разумеется, поняла его слова совсем иначе.

Вскрикнув, она прижала ладошку ко рту и бросилась за ним.

Он обернулся; уныло осмотрел её напуганное жалостливое лицо.

– Эрман... – попыталась что-то начать говорить ему она, положив руку на его плечо.

Он досадливо поморщился.

– Нет, я не имел в виду, что стану пиратом, – раздражённо прервал её он, и в голосе его ощутимо звучал гром. – И тем более не заявлял, что стану им, если ты не выйдешь за меня замуж.

Сердце скребло когтями дикой кошки от мысли, что она увидела в его реакции очередной шантаж.

«Впрочем, чего я ждал?» – мрачно подумал он, устремляя на неё недовольный взгляд.

К его недоумению, её ответный взгляд, как порыв грозового ветра, обдал его её раздражением:

– Знаешь, что!.. – она притопнула по песку ногой и гордо выпрямилась: – Не надо тут корчить из себя жертву! – и затем с беспримечным пафосом в голосе возвестила: – Я не настолько кошмарна!

Кьерин перестал успевать за ходом её причудливой логики.

– Прошу прощения? – вежливо переспросил он, словно невзначай перехватывая её соскользнувшую с его плеча ру-

ку.

Она не стала её вырывать. Отвернулась к морю, пофыркала что-то возмущённое, потом изволила расшифровать свою мысль:

– Да у тебя такое лицо, будто я из тебя кишки наживую выдёргиваю!

Он аж поперхнулся от возмущения и выпустил её руку.

– Знаешь, что!.. – выпрямился он в той же гордой позе, что и она.

Она, прервала его, возмущённо потыкав в его грудь пальцем и возвестив:

– Так и быть, идиот грозовой, я подумаю!..

И, развернувшись и гордо хлестнув по нему своими золотыми волосами, направилась от него прочь, не видя, что лицо его расплылось в совершенно идиотской улыбке.

Глава пятнадцатая

Десятое свидание проходило идеально: Нари показывала своё любимое озеро в окрестностях города и вытекающий из него ручей. Место это, тихое и спокойное, особенно ей нравилось: влажный ветер, такой непривычный, без морского привкуса, приносил с собой ароматы окрестных цветов.

Сегодня у неё было особенно хорошее настроение: она впервые пришла сюда не одна, и оказалось чрезвычайно приятно показывать все эти повседневные чудеса другому человеку. Эрмин тоже пребывал в наипрекраснейшем расположении духа: она сегодня впервые надела подаренные им серёжки. Они ярко блестели на солнышке и трепетали от каждого движения её головы, и казалось, что в её светлых волосах зажглись волшебные искорки.

Они сидели на пригорке среди луговых трав и любовались озером; разговор заглох. Эрмин просто исподтишка любовался Нари, а Нари...

Нари ужасно хотелось его поцеловать, но ей не давала покоя мысль, что когда-то давно она категорично высказала ему в лицо, что ни за что его не поцелует и даже скорее умрёт.

«Как бы сделать так, чтобы это он сам меня поцеловал?» — напряжённо размышляла она, хмурия лоб.

Задача виделась ей крайне сложновыполнимой, потому

что князь, учтя все свои предыдущие ошибки, держался с ней чрезвычайно скромно и всем своим поведением недвусмысленно демонстрировал готовность ждать первых шагов к сближению от неё.

«Ну нет, я тебя подловлю!» – торжествующе подумала она спустя пять минут тяжких размышлений, поскольку ей припомнилось подходящее обстоятельство, на котором можно было бы сыграть.

Повернув голову к Эрмину, она недовольно, и даже с ноткой некоторого обвинения в голосе, спросила:

– Так когда ты там собираешься требовать с меня моё желание?

Она была уверена, что выкрутилась просто гениально, потому что совершенно же очевидно, что в качестве обещанного ею желанья он теперь непременно должен потребовать поцелуй!

Эрмин, однако, огорошил её насмешливым ответом:

– Да никогда, солнечная, – и с подкупающей искренностью в голосе объяснился: – Я просто хотел тогда, чтобы ты мне доверилась и на деле поняла, что я ничего тебе не сделаю.

Нари скривилась. Это был тот случай, когда его безупречный ответ вызвал в ней дикую досаду. Мог бы уже и сдать нимб куда-нибудь на хранение, всему она уже поверила!

Верно уловив, с чем именно связана её досада, Эрмин с любопытством переспросил:

– А у тебя что, есть пожелания? – и тут же прибавил: – Ты скажи, так я сразу потребую!

Ей сделалось стыдно и неловко, что он раскрыл её коварный замысел. Спрятав покрасневшее лицо в руках, она помотала головой в знак протеста.

Эрмин философски пожал плечами и откинулся на спину, заложив руки за голову и залюбовавшись небом и медленно скользящими по нему облаками.

Она подумала, что поступает по отношению к нему нечестно. Отвернувшись к озеру, она обиженно буркнула:

– Я думала, ты загадаешь, чтобы я тебя поцеловала.

Он удивлённо присвистнул.

– Знаешь, Нарн, – ворчливо признался он, – если я и сделал какой вывод из отношений с тобой – так это, что пытаться принудить тебя к чему бы то ни было, и тем паче к близости такого рода, – это в высшей степени провальная идея.

В душе у неё разлилась приятная гордость; комплимент такого рода пришёлся ей очень по вкусу.

– Так что, – деланно легкомысленным тоном продолжил развивать тему Эрмин, – если ты хочешь меня поцеловать – то будь любезна сделать это сама.

Ответом ему было лишь независимое фырканье. Отчаянно краснея, Нарн продолжала упрямо смотреть на озеро.

Минут пять они молчали, потом она подобралась к нему ближе.

– А может, и поцелую! – почти возмущённо заявила она,

нависая над ним.

– Какие угрозы!.. – пробормотал он, занятый разглядыванием её лица: обрамлённое золотыми в лучах солнца прядями, оно казалось ему светящимся.

Она несколько секунд тоже вглядывалась в него – ей казалось странным, что его глаза сейчас выглядят совсем даже не ястребиными, а очень нежными и ласковыми, цвета её любимого мёда.

Наконец, решившись, она склонилась к нему.

Целоваться Нарю не умела совершенно – молодые люди, с которыми она пыталась ходить на свидания, совсем не вдохновляли её на опыты подобного рода. Она весьма смутно представляла себе, что нужно делать, и всё, на что хватило её фантазии – коснуться своими губами его.

Тёплые и мягкие; она попробовала провести своими губами по его – это тоже оказалось приятно и очень мило, но совсем не похоже на то, чего она ожидала от поцелуев.

Выпрямившись, она гневно обличила:

– Ты что, совсем целоваться не умеешь?!

Он рассмеялся в ответ так искренне и задорно, что и она невольно прыснула смешинкой.

Опершись руками на землю, он приподнялся, чтобы их лица снова оказались рядом.

– Я-то умею, Нарю, – ехидно поведал он. – А вот ты, оказывается, нет!

Это обстоятельство весьма его повеселило. Не то чтобы

Нари произвела на него впечатление женщины, опытной в вопросах такого рода, но и столь тотального отсутствия навыков он как-то не ожидал.

Обиженно ткнув его в грудь кулачком, она упрекнула:

– И что тогда не помог, раз умеешь?

Он улыбнулся смущённо.

– Напугать боюсь, – тихо признался он, и в этих певучих словах ей почудилась какая-то несвойственная ему обычно хриплость.

– Не напугаешь! – блеснула она гордым взглядом и замерла в ожидании.

На губах его расплылась предвкушающая улыбка.

– Уверена?.. – спросил он таким тоном, что она тут же поняла, что точно испугается. Но не идти же теперь на попятный!

– Уверена! – с королевским видом ответила она.

Он протянул к ней руку; поправил прядь волос, попутно зарывшись в них пальцами. Другой рукой за талию он притянул её к себе ближе; теперь они оба сидели бок о бок, касаясь друг друга бёдрами, но лицом друг к другу. Нары показалось, что это весьма интимно и, возможно, даже неприлично; но развить эту мысль внутри себя она не успела, потому что... закончив с выходом на удобную для атаки позицию, князь приступил к делу.

Та рука его, что играла с её волосами, переместилась, придерживая её за затылок; властный поцелуй накрыл её губы

прежде, чем она поняла, что происходит.

О да, он-то, определённо, целоваться умел, в отличие от неё! Нари даже не успевала понимать и осознавать, что именно происходит с её губами, и с языком, и с нёбом, и как это вообще, и что!..

Опомнилась она только тогда, когда обнаружила, что, лёжа спиной в траве, жадно пытается надышаться воздухом. Он, освободив её губы явно лишь для этой передышки, сам продолжал целовать – щёки, виски, шею... и Нари с ужасом поняла, что от этих поцелуев – особенно вон туда в основании шеи! – у неё опять перехватывает дыхание, и она совсем, совсем не может сделать вдох!

Впрочем, сосредоточиться на этом осознании она тоже не успела, потому что он вернулся к её губам – и она уже сама, обвив руками его шею, радостно открылась ему навстречу, желая снова почувствовать всю ту гамму переживаний, которую в ней вызывало соприкосновение их языков.

Вдруг незнакомое острое чувство пронеслось вдоль её позвоночника, заставляя выгибаться ему навстречу и прижиматься к нему теснее, как можно теснее. Ей сделалось беспокойно от желаний, смысла которых она пока не понимала, и её испугало то, что сердце её, казалось, пробивает грудь своими быстрыми сильными толчками, и вся её кровь, отхлынув куда-то к животу, оставила в голове звенящую пустоту.

Она попыталась отвернуться от его губ – не потому, что ей было неприятно, а потому, что она испытывала слишком

острые ощущения, и ей казалось, что она вот-вот упадёт в обморок, не в силах совладать с этими ощущениями.

– Всё-таки напугал?.. – обеспокоенно переспросил он, чуть отстраняясь.

Смятение её ещё возросло – потому что ей настолько не хотелось, чтобы он отстранялся, что она едва удержалась от того, чтобы не ринуться к нему всем своим существом.

– Не ты напугал, – поспешно заверила она, испугавшись, что он поймёт её не так. – Просто очень... сильно... – не нашла она никакого подходящего слова, чтобы описать всё то, от чего её тело стало совсем чужим и горячим.

Он улыбнулся; помог ей сесть.

– Дыши! – с улыбкой велел он, и сам стараясь незаметно отдышаться. Ему ужасно хотелось показать ей, что он-то прекрасно себя контролирует, и его никакими поцелуями не смудишь!

Она мягко рассмеялась и завозилась, устраиваясь у него в объятьях.

Острота напугавших её ощущений постепенно покидала её тело; успокаивалось сердце, выравнивалось дыхание, голова переставала кружиться. На место это остроте пришло тёплое, глубокое, ясное счастье.

– Я тут подумал, – высказался вдруг над её ухом Эрмин, – может, мне всё-таки стоит вернуться к идее с шантажом? – она, рассмеявшись, небожно ткнула в него локтем. Он тоже рассмеялся и продолжил свою мысль: – Как насчёт такого,

Нари? Больше тебя не поцелую, пока ты, наконец, не согласишься стать моей женой! – пафосно обозначил свой коварный шантаж он.

Повернувшись, она потёрлась лицом о его грудь.

– Неплохой ход, – томно возвестила она, а затем подняла на него глаза и, демонстративно медленно облизав губы, мягким шёпотом, в котором всё же звучал неуловимый оттенок насмешки, уточнила: – Но ты уверен, что сумеешь удержаться?

Он с восторгом взгляделся в светло-серые глубины её глаз.

– Не сумею, Нары, – согласился он, целуя её.

...спустя пять минут она всё же заявила, что он может забирать её со всеми потрохами хоть сейчас.

Князь, не промедлив и секунды, подхватил её на руки и куда-то понёс: у него, очевидно, уже всё было продумано.

В кои-то веки её это совсем не раздражало.

Возможно, потому что теперь она чувствовала себя любимой женщиной, а не вещью.